

Мне нравится все, что пишет Элис.
Джоджо Мойес

ЭЛИС ПЕТЕРСОН ВСЕ РАДИ ЛЮБВИ

ВСЕ
БУДЕТ
ХОРОШО!

Annotation

Друзья женятся, заводят детей и переезжают за город, и только у Джилли Браун ничего не происходит. Ей кажется, будто она пропустила последний автобус домой. По совету приятелей, чтобы справиться с депрессией и решить материальные проблемы, Джилли ищет жильца с понедельника по пятницу. Но она никак не ожидает, что в ее двери постучится красавец, телевизионный продюсер Джек Бейкер. Сама судьба дарит ей шанс снова стать счастливой. Девушка попадает под очарование Джека, и ее захватывает увлекательный вихрь чувств. Но что Джек делает по выходным?

Элис Петерсон

Все ради любви

Alice Peterson

THE THINGS WE DO FOR LOVE

© 2015 Alice Peterson

© Рапопорт И., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Восхитительная квартира с двумя спальнями и садом в хорошем районе, всего в двух шагах от превосходных магазинов и ресторанов...

И вот я стою у входной двери квартиры 4а в доме 23 по Прайорити-роуд. Сбросив сумку на тротуар, перевожу дух. Спина ноет, лодыжки распухли. Перелистываю буклет, врученный мне агентом по недвижимости. Могу поклясться, единственное, что я тут заметила, – это круглосуточный магазин, тату-салон и супермаркет «Теско-экспресс». Никакого намека на рестораны. Ну не эту же забегаловку под вывеской «Люля-кебаб» они имели в виду? Я вздыхаю. Засранцы!

Смотрю на часы. Почти половина второго. Мысленно поздравляю себя с тем, что сегодня опоздала всего на десять минут – в последнее время я как автобус с проколотой шиной: везде опаздываю. А агента-то где черти носят? Мне ведь еще нужно вернуться на работу к половине третьего – у нас совещание. Так что, наверное, я и туда опоздаю.

Проходит десять томительно долгих минут, и, оставив Алексу Уайту, которого жду, пару сообщений, я уже собираюсь уйти, как вдруг замечаю автомобиль цвета томатного сока, втискивающийся в маленький свободный уголок на парковке на противоположной стороне улицы. Из машины выходит коренастый мужчина – как мне кажется, примерно моего возраста, то есть слегка за двадцать; светловолосый, с короткой стрижкой. Надутый как индюк – его явно распирает от гордости, что он так ловко ухитрился припарковаться. Скорее всего, его-то я и жду – уж очень он похож на агента по недвижимости. Хватаю сумку. Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы я сюда сегодня приперлась не зря! Мне осточертело осматривать эти жуткие, обшарпанные, сырые квартиры – которые, если верить тому, что говорили о них агенты, невероятно выгодное вложение. Но с этим Алексом я раньше дел не имела, так что, если мне повезет, он сможет предложить то, что я ищу: небольшую двухкомнатную квартиру в западной части Лондона, с современной обстановкой, квартиру, которой не требуется ремонт...

Я наблюдаю, как Алекс – да, это определенно он – переходит дорогу. На нем деловой костюм, и он говорит по мобильному. Так громко, что, конечно, вся улица уже знает, как у него дела. Он окидывает меня оценивающим взглядом, в руке его многозначительно позвякивает связка ключей. Он пробует один из них, но дверь не открывается, однако агент не прерывает телефонного разговора. И, судя по всему, извиняться передо мной за свое опоздание он тоже не собирается. Невелика птица – так, наверное, думает он про меня. Я испытываю жгучее желание вырвать у него из рук телефон, шваркнуть об землю и растоптать. Вот было бы здорово!

– Да, приятель, в самую точку! – кричит Алекс в трубку, переходя ко второму ключу. – Не могу, приятель. Хозяйка хочет, чтобы я вернулся сегодня вечером.

Он закатывает глаза, и мы наконец входим в здание... Где, как улавливает мой нос, убийственно воняет... кошачьей мочой.

– Оки-доки!

Алекс убирает трубку и открывает входную дверь в квартиру 4а.

– Теперь я целиком в вашем распоряжении! Меня зовут Алекс, кстати. А вы, насколько я помню, Дженьюэри. Классное имя. Как дела? Все в порядке?

– Неплохо, – бурчу я, входя в коридор. Стены выкрашены в оливково-зеленый, на решетках вьется плющ. Я оглядываю узкий и темный коридор и уже слегка разочарована. Как на свиданиях вслепую – надеешься на лучшее, а приходит мужик в белых носках и с заправленным в штаны свитером.

– Мы в коридоре, – сообщает мне Алекс. Сделав еще несколько шагов, он поворачивает налево и радушно добавляет:

– А вот кухня.

Зачем они всегда это говорят? Мне хочется огрызнуться: неужели, Шерлок? Сама бы ни в жизнь не догадалась!

Мой мочевого пузыря сводит судорога – адски хочу в туалет.

– Как вы можете видеть, в квартире потрясающая игра света в пространстве... – Алекс отработывает номер, дословно цитируя свой буклет. – Это очень выгодное вложение.

Ну да. Я открываю ближайший к себе шкаф. Дверца распаивается – петли разболтаны хуже некуда.

– Все мелкие недочеты можно легко поправить с помощью необременительного косметического ремонта, – автоматически витийствует Алекс в рекламном стиле.

– Уверен, вашему муженьку или партнеру подлатать тут все хорошенько не составит никакого труда, – добавляет он проникновенно.

Захлопывает дверцу, но она снова медленно, будто дразня его, открывается.

– Оки-доки, пойдете дальше, – как ни в чем не бывало величественно приглашает он.

– Да, пойдете, – отвечаю я. И прошусь в туалет.

– На каком вы месяце, кстати? – кричит мне вслед Алекс.

– Ммм... – Я теряюсь. Да и неловко как-то разговаривать через дверь уборной.

– Моя подружка всегда говорит: никогда не доставай теток с пузом вопросами про беременность – мало ли, может, они просто налегают на пончики. Ха-ха-ха... И все же... – оправдывается Алекс из коридора.

Пошел бы ты. Тебе-то какое дело?

Я нажимаю на слив.

– На седьмом, – сообщаю я под шум воды, вглядываясь в плесень по бортику ванны. – Осталось потерпеть всего два.

Я открываю дверь, и Алекс тут же оказывается рядом со мной.

– Продолжим? Только ничего, если я пока нос заткну, вы не против? – и он глумливо хихикает. На редкость гадостный тип!

Интересно, эту свою хамски-разнузданную манеру он считает непринужденной?

– Так вот. Как вы можете видеть, – продолжает Алекс, – в ванной установлен душ-шарко.

Я киваю, тупо уставившись на старый белый шланг, свисающий с одного крана.

– Оки-доки, – опять приговаривает свое любимое Алекс. Мы идем дальше по коридору и оказываемся в комнате. Она довольно большая.

– А здесь, – возглашает Алекс с таким апломбом, с каким официанты обычно рекламируют коронное блюдо, – главная спальня, с собственной ванной.

Стены выглядят подозрительно желтыми, грязными, как будто предыдущий владелец все время курил в постели. Все, что я замечаю, – белая занавеска, отделяющая душ от унитаза. Будь я чуть посмелее, уже давно настучала бы этому наглецу по башке, чтобы не тратил ни свое, ни мое время, потому что этот ужас мне явно не подходит, но, наверное, я слишком вежлива – я покорно иду за ним через двойные двери в сад, который, если верить буклету,

«ухожен и выходит на запад».

– Не так уж он и ухожен, а? – не удержалась я, заглянув в кастрюлю с перегноем и указав пальцем на пробивающиеся сквозь плитку бодрые сорняки. Вот бы моя соседка, Лиззи, все это видела! Вот бы уж мы с ней посмеялись! «Ухоженный сад»! Вы такое видали? В школе мы с Лиззи были неразлейвода, и она была первым человеком, с кем я жила вместе с того момента, как в восемнадцать лет переехала в Лондон. Если бы не она, не знаю, как бы я пережила этот год. В трудную минуту Лиззи была со мной всегда, с тех пор как... Ну, в общем, с тех самых пор как дело приняло совсем скверный оборот.

– Да, да, – идет на попятную Алекс, – но, вы знаете, немного свежей краски плюс душа хозяйшки... – он подмигивает мне, – и вуаля: перед вами идеальное семейное гнездышко. Так что, как вам дом? А ваш муж...

– На сколько лет предоставляется кредит? – спрашиваю я, начиная краснеть от смущения.

– Не уверен, но могу узнать, – отвечает Алекс, положив руку на мое плечо. Он ведет меня обратно, в гостиную, где душно и трудно дышать от спертого воздуха. Стены гостиной выкрашены в сиреневый, а вишенка на торте – два дивана, обитых искусственной кожей.

– Я думаю, ваша вторая половина, возможно, тоже захочет взглянуть? – осведомляется Алекс. Пару секунд он изучает выражение моего лица и затем продолжает: – Спрашиваю, потому что у вас ведь серьезные намерения, верно? И, как мне кажется, вы хотели бы переехать...

Быстрым взглядом он окидывает мой недвусмысленно обозначившийся животик.

– ...как можно скорее.

Тебя бесит эта квартира. Скажи ему, что она тебя бесит и что в следующий раз, если он хочет получить хороший процент, ему стоило бы подобрать что-нибудь попростойнее. Ну же, Дженьюэри!

– Вы в первый раз приобретаете жилье? – допытывается Алекс, прежде чем я успеваю что-то ответить. Я киваю.

– Вы очень молоды, – кивает он понимающе.

Мне двадцать три. Я неуверенно тоже киваю:

– Ага. В любом случае спасибо, Алекс, но я...

– В общем, вы теперь ценный игрок на рынке недвижимости? Ваш муж банкир? Дайте-ка угадаю... Вы, ребята, выиграли в лотерею? – не отстает от меня агент.

– Нет, нет, ничего подобного, – я судорожно пытаюсь подобрать слова, – печальные обстоятельства.

На большее моей фантазии не хватает.

Алекс прищелкивает языком.

– Что ж тут печального? Многие люди отдали бы все, чтобы оказаться на вашем месте.

– Да? – как-то не очень уверенно откликаюсь я.

– Вы что, шутите? Вот я, к примеру, даже мечтать еще не смею о том, чтобы приобрести собственную квартиру! – наступательно заявляет Алекс, словно я в том виновата.

Пока он говорит, я вспоминаю сцену из своего детства. Мне пять лет. Бабушка и дедушка только что сообщили мне о смерти моих родителей. Я бьюсь в истерике на руках у бабули, вцепившись в своего плюшевого кролика. Вспоминаю, как на свой десятый день рождения выбираю золотой медальон, а дедушка говорит мне, что можно туда вставить фотографию мамы и папы, чтобы они всегда были рядом, в моем сердце. Вспоминаю, как дедушка с

бабушкой на восемнадцатилетие Лукаса рассказали нам, что положили деньги, вырученные от продажи дома наших родителей, в банк. Это наше наследство. Потом я слышу в своей голове голос Дэна, и мне становится еще больнее. Когда же этот голос исчезнет? Все говорят, что время лечит, но как время может излечить меня, если я ношу под сердцем нашего с Дэном ребенка, а самого Дэна нет рядом со мной? Я медленно соскальзываю в пропасть, туда, где не должна быть и не хочу. Я дотрагиваюсь до своего животика, переживая, что приняла неверное решение. Как я смогу воспитать этого ребенка одна? Я сошла с ума или правда смогу? Вернется ли когда-нибудь Дэн? Где он теперь?

– Дженьюэри?

Я чувствую чье-то прикосновение.

– Мне пора, – говорю я, устремляясь к входной двери.

– Дайте мне знать, когда у вас будет время подумать насчет квартиры... – совершает последний рывок агент.

– Спасибо, я уже подумала, – прерываю я его и быстро, с удвоенной энергией объясняю, почему эта квартира меня ну никак не устраивает.

Должно быть, агент почувствовал мое настроение, потому что, когда мы уже оказываемся на улице, где холодно и моросит дождь, он дружески предлагает мне, выйдя из образа:

– Вас куда-нибудь подвезти?

– Нет, спасибо, со мной все хорошо, – отвечаю я вполне дружелюбно.

Все, что угодно, даже переполненный автобус, лишь бы больше ни минуты в обществе этого Алекса и его идиотских предположений о моей жизни.

И тут краем глаза я замечаю какое-то движение на парковке, Алекс тоже.

– Черт!

Он срывается с места и мчится к своей машине, на лобовом стекле которой красуется свежевypисанный штраф.

По пути в офис я никак не могу перестать улыбаться. Было что-то ну очень смешное в том, как Алекс отчаянно доказывал полицейскому, что припарковал машину всего на одну минутку! Всего на одну! Ага, конечно.

В общем, так я пока и не нашла подходящий мне дом, и время стремительно поджимает. Но я не отчаиваюсь: где-то он должен быть, просто хорошо прячется. Наверное, найти правильный дом – это как найти правильного мужчину. Нужно перецеловать много лягушек, чтобы найти своего принца, вот и получается – чтобы отыскать хорошую квартирку, придется обойти кучу таких жутких мест, как апартаменты 4а по адресу Прайорити-роуд, дом 23.

Я делаю глубокий вдох и выглядываю из окна, вытирая слезы – в последнее время я что-то совсем расклеилась. Провожу пальцами по медальону. Сколько бы я себе ни повторяла, что у меня хорошие друзья, замечательные бабушки и дедушки, подруга Лиззи – суть в том, что Дэна-то у меня больше нет. Каждый день я вижу перед собой его лицо. И снова и снова говорю себе, что просто сплю, но скоро проснусь, и он будет рядом.

Мне бы послать к черту все мысли о нем. Но я слабачка. Я должна ненавидеть его за то, что он такой трус, ведь так? И ненавижу. Только вот грань между любовью и ненавистью очень уж тонкая.

Когда автобус подъезжает к следующей остановке, я выпрямляюсь в кресле, пообещав себе перестать постоянно думать о Дэне. Сейчас пора подумать о ребенке: мальчик он или

девочка – это самое важное, что есть в моей жизни на данный момент. И может быть, в один прекрасный день Дэн пожалеет о том выборе, который он сделал. Может, лучше быть одной, чем не с тем человеком. Лиззи уверена – если рядом с тобой не тот, кто тебе нужен, ты ужасно одинок. Ничего. Я воспитаю этого ребенка одна и отдам ему всю любовь, на какую только способна. И у меня получится. Знаю, что получится. А ты смотри и кусай локти, Дэн Грегори.

Алекс во многом оказался прав. Я нахожусь в выгодном положении. И тут я снова расплываюсь в улыбке, вспомнив, как тот ругался с полицейским, клял его, на чем свет стоит, брызжа слюной от злости. Должно быть, иметь такого бойфренда – удовольствие очень сомнительное. Нет, лучше я себе глаза выколю, чем буду с человеком, который говорит «оки-доки». Так что все могло бы быть куда хуже. Моя жизнь могла бы быть намного хуже.

И я снова не могу сдержать улыбки.

– Твоя мать часто улыбалась, Дженьюэри, – однажды сказала мне бабушка. Мы были в парнике – она учила меня сажать семена. – Ее стакан всегда был наполовину полон. Ребенком она обожала смешные фильмы – и смех у нее был такой звонкий, что его было слышно даже с заднего крыльца дома.

Наверное, я сейчас смеюсь в голос – мужчина на соседнем сиденье смотрит так, как будто я с катушек слетела. Может, слетела.

А в моей голове только одна мысль: как это, должно быть, жутко – быть замужем за типчиком вроде Алекса!

За агентом по недвижимости.

Восемь лет спустя, 2011 год

Я стою перед зеркалом в своей спальне, втянув живот. Что-то не помню, чтобы мои костюмные брюки были настолько узкими... но тем не менее – я не надевала их уже невесть сколько лет. И все-таки, как так? Наверное, сели после химчистки.

– На тебе туфли, которые поднимают ноги, да? – спрашивает Айла. Она всегда так называет туфли на высоком каблуке. Она сидит на краешке кровати, поглаживая по спине нашего джек-рассел-терьера по имени Спад. Его крепкое тельце покрыто белоснежной шерсткой, на спине – овальное светло-коричневое пятнышко. Я быстро надеваю туфли:

– Ага! Тадам!

Кружусь вокруг себя, пытаюсь скрыть, как сильно я нервничаю.

Айла поднимает большие пальцы.

– Правда, она у нас красавица, Спад? – говорит она и похлопывает песика по макушке, а потом склоняет голову набок. – Только прическа странная.

Она поводит плечами.

– А впрочем, какая разница, ха-ха-ха!

У Айлы озорной, заразительный смех.

– Ха-ха-ха! – начинаю смеяться и я, а потом смотрю в зеркало и замечаю, что мои волосы и вправду какие-то совсем уж безжизненные.

– Пошли, – говорю я. – Пора завтракать.

Хотя мне кусок в горло не лезет.

На сегодняшнее утро назначено мое второе собеседование в фирме «Шервудс», которая специализируется на продаже загородных домов и усадеб. Фирма находится в районе Мэйфейр. Я претендую на должность ассистента начальника лондонского офиса Джереми Норты. Хотя в недвижимости не смыслю ни черта – только то, что не люблю агентов по ее продаже. До сих пор не могу поверить, что собралась работать на агента. Выходит, я уже не только отчаялась, но и умом тронулась. Вспоминаю того жуткого типа, который впарил мне эту квартиру в Хаммерсмит – в его глазах сияли фунтовые банкноты. Но разве все агенты такие сволочи?

Потратив несколько недель на поиски работы, так успехом и не увенчавшиеся, я уже почти пала духом, и тут Лиззи, которая работает в туристической компании, сказала мне, что один из ее друзей спрашивал по поводу этой вакансии.

– Не переживай, что у тебя нет опыта, – успокоила она меня. – Все, что тебе там понадобится, – это умение управляться в офисе.

В том-то вся и беда. Я не работала в офисе уже лет сто. А точнее, с тех пор как у меня появилась Айла. Мне очень хотелось вернуться на свое последнее место работы – в литературное агентство в Ноттинг-Хилл, но, сделав все необходимые подсчеты, я поняла, что тогда просто не смогу себе позволить нанять бебиситтера на полный рабочий день. Никак. К тому же за Айлой нужен был глаз да глаз, и теперь я уже не была уверена, что когда-то смогу выйти на нормальную работу и приблизиться хоть на сколько-нибудь к той обычной жизни, которую вела до ее рождения. Уж слишком много за последние восемь лет произошло событий, которые заставили меня так думать.

А начиналось все вполне безоблачно. Я переехала в Лондон, когда мне было

восемнадцать. И была готова работать кем угодно. В отличие от моего старшего брата Лукаса (который каким-то образом сумел преуспеть, хотя его имя было куда консервативнее) – он сразу заявил, что всегда хотел быть банкиром и зарабатывать много денег, я-то понятия не имела, чем хотела бы заниматься (разве что – чтобы это занятие могло покрыть плату за квартиру), зато была готова наслаждаться свободой. Сначала я устроилась официанткой в бар, а потом три года мыла людям головы в одном из парикмахерских салонов и служила в отделе игрушек в большом магазине, где встретила свою первую любовь, Билли, который работал в отделе мужских туалетных принадлежностей. Билли ездил на мотоцикле и носил потрясающе сексуальную кожанку. Едва заслышав рев мотора, я выскакивала на улицу, и Билли снимал шлем, обжигал меня страстным поцелуем, после чего я забиралась на мотоцикл, и он, вдавив педаль газа, шептал: «Держись крепче». Прямо как в фильме «Лучший стрелок» с Томом Крузом!

После работы в отделе игрушек я продавала серебряные кольца и обручальные кольца в «Тиффани», работала курьером и, наконец, – секретарем в литературном агентстве. Конечно, каждая вакансия мне по-своему нравилась, но назвать мои скитания продвижением по карьерной лестнице было бы явным преувеличением. Последнее мое рабочее место, пожалуй, было лучшим, так как я зарабатывала чтением книг. Причем мне приходилось не только выполнять обязанности секретаря, но и читать сценарии, и я научилась разбираться в контрактах. Наконец появилось хоть какое-то занятие, которое мне бы нравилось более остальных. И мне не хотелось постоянно курить или прерываться на кофе.

А потом я встретила Дэна и... ну, все изменилось... Я гоню прочь эти мысли, не желая жить в прошлом. Думай о сегодняшнем дне, Дженьюэри. Мне нужна эта работа, чтобы оплачивать счета и ипотеку. К тому же дело тут не только в деньгах. Последние восемь лет были самыми сложными в моей жизни – хотя, в общем-то, я не жалею, что прожила их именно так. Воспитывать Айлу – огромное счастье. Вот только за эти годы я утратила частичку себя, и мне теперь нужно обрести ее снова.

Глубокий вдох. У тебя все получится. Будь профессионалом. Я смогу работать на агента по недвижимости, если он не будет постоянно лепить после каждого слова это чертово «оки-доки»...

Мы с Айлой переходим на кухню, и я стараюсь не обращать внимания на кучу счетов и прочих бумажек, высыпуюся на столе. Айла забирается на высокий стул; она легкая, как воробышек, и не очень высокая для своего возраста. У нее пышные каштановые волосы, как у меня и моей матери и бабушки, вот только у Айлы другая прическа – милый боб с челкой, который подчеркивает ее миндалевидные глаза. Мои глаза – серо-зеленые – такие же были и у мамы. Бабушка часто крепко обнимает меня и приговаривает, что не может поверить, как сильно мы с мамой похожи, что я стала красивой женщиной.

– Думаю, у тебя предвзятое мнение, – обычно с улыбкой отвечаю я ей.

Я наливаю Айле стакан молока, включаю кофе-машину и радио, запикиваю в тостер кусок хлеба и вываливаю мясные консервы с не очень приятным запахом в миску Спада. Айла слезает с табурета и напевает Спаду «Эдельвейс», а собака склоняет голову набок и виляет хвостом, подвывая Айле. Это один из тех трюков, которым она научила нашего песика, и обычно я умиляюсь, наблюдая подобный спектакль...

– Айла! Прекрати, а то мы опоздаем, – говорю я сегодня.

– Ну и не важно.

Ее любимое выражение, которое она всегда сопровождает пожиманием плечами.

Сегодня утром я кормлю ее тостом с маслом. Знаю, это неправильно, но ни на что другое сейчас у меня нет ни сил, ни времени. Вспоминаю свою юность и молодость – всю эту бесконечную череду собеседований. Чтобы нервничала, не помню, но ведь тогда мне и терять было нечего, а поэтому и не стоило переживать в случае, если откажут. А теперь я почти кричу самой себе в ухо: «Кому ты, черт подери, нужна? Ты просто мать-одиночка. Уже лет сто не работала! Даже не вспомнишь, как включается ксерокс!»

Нож выпадает у меня из рук.

– Айла! Хватит! – усаживаю я дочь на стул и ставлю на пол миску с едой для Спада.

– Все будет хорошо, мама, – отвечает она, выразительно глядя на меня.

Я передергиваю плечами. Это всего лишь работа.

– Прости, дорогая.

– Ты же понравилась им в первый раз, – рассуждает Айла, – так что я уверена, понравишься и сегодня.

Я вспоминаю свое первое собеседование. Я приехала в Грин-парк сильно заранее и решила выпить чашечку кофе. В очереди в «Старбакс» молодая женщина передо мной то и дело поглядывала на часы. Длинные светлые волосы, колготки с узором, пачка сигарет в кармане пиджака. Когда ее очередь наконец подошла, она заказала двойной эспрессо и начала рыться в сумочке. После чего объяснила равнодушному человеку за прилавком, что оставила свой кошелек в офисе и попросила, чтобы он разрешил ей заплатить позже. Очередь начала роптать – в такой ситуации нужно было вызвать менеджера. Почувствовав, как девушке неловко, я тихонько тронула ее за плечо и сказала, что с удовольствием заплачу за ее кофе. Подумаешь, ерунда. Моя бабушка всегда говорит, что делать добрые дела необходимо – все к тебе потом возвращается. И когда я вошла в зал для совещаний, за столом оказалась та самая женщина из очереди.

– Люси Хэншоу, заместитель Джереми Норта, – сказала она, пожимая мне руку и, указывая на кресло, заметила, что никогда до этого не слышала имени Дженьюэри. А потом снова посмотрела на меня прищурившись и с улыбкой произнесла:

– Ну что, теперь кофе с меня?

Школа, к счастью, всего в пяти минутах ходьбы от дома. Мне нравится этот район Западного Лондона. Тут мы с Лиззи первый раз стали вместе снимать квартиру, миленькую квартирку на Хаммерсмит-гроув. Мы с Айлой и Спадом живем рядом с парком Рэйвенскорт; всего в нескольких минутах от множества кафе, театра «Лирик» в Вест-Энде, передвижного кинотеатра и пабов, расположенных вдоль набережной. Айла и Спад убегают вперед, а я кричу дочери, чтобы не поджимала правую ногу. Прохожий странно глядит на нас.

– Эй, Мисс На Цыпочках! – зываю я, не обращая внимания, что на нас обернулся еще один прохожий. Собственно, с некоторого момента косые взгляды нас не волнуют. Ходить прямо никогда не было одним из талантов Айлы.

Звонит мой мобильный. Бабуля.

– Ты его сделаешь, милая, – говорит она.

В трубке раздается голос бабушки.

– А если вдруг разнервничаешься, представь, что твой начальник голый.

Я улыбаюсь.

– Чем сегодня занимаешься, дедуля?

– Сплю, – отвечает он. – А еще ем сырок.

Трубку снова перехватывает бабуля.

– Ты же позвонишь нам, когда все закончится, не забудешь? – Я слышу, как она хватается ртом воздух.

– Бабуля, с тобой все хорошо? – Бабушке семьдесят четыре.

– У тебя ведь больше не было головокружений? – спросила я, крикнув Айле, чтобы та не убегала слишком далеко.

– Я как огурчик! А теперь давай, задай им там всем жару, – призвала бабуля и повесила трубку.

Около школы мне достается множество комплиментов, так как мамочки уже привыкли видеть меня в джинсах, разношенном свитере и мужских сапогах. Все так сильно желают мне удачи! Я уже жалею, что вообще рассказала им про собеседование. Как тогда, когда я рассказала всем об экзамене по вождению, а сама с него свалила. Айла болтается вокруг без дела. Она ненавидит прощаться со мной и со Спадом; обычно сразу убегает куда-нибудь со своими друзьями, даже не взглянув на меня, но сегодня задержалась возле матери дольше обычного.

– Если ты получишь работу, – говорит она, – ты ведь по-прежнему будешь моей мамой?

Я наклоняюсь и крепко обнимаю дочь, чувствуя себя виноватой, что накричала на нее утром.

– Я люблю тебя больше, чем любую работу. Ты всегда для меня на первом месте.

Айла кивает – значит, ответ принят. Я смотрю, как она входит на территорию школы, и не могу заставить себя не сравнивать ее худенькие ножки с толстыми ляжками ее подруг. До меня доносится ее рассказ о том, что мама пытается получить работу, поэтому сегодня она надела туфли, которые поднимают ноги.

«Шервудс» находится на Довер-стрит, недалеко от площади Беркли, в самом центре района Мэйфейр. Рядом – галерея современного искусства, а в соседнем помещении – обувной магазин, в витрине которого выставлена в числе прочих пара изящных туфелек серебристого цвета.

Офисное здание с длинными раздвижными окнами и небольшим черным балкончиком выкрашено в два оттенка – белый и темно-серый. Подходя к главному входу, я напоминаю себе, чего лучше не говорить и не делать во время собеседования. Не грызть ногти. Не увиливать, не уходить от ответа. Помнить правило НТ – «Не Торопись». Это мне подсказала Лиззи. У нас часто появляется странная потребность заполнять чем-то неловкие паузы – она возникает либо из-за неуверенности, либо из-за патологического чувства ответственности. Это, однако, чревато – можно потратить кучу времени на ненужную болтовню. Правило НТ хорошо и на первом свидании – нельзя же сразу рассказать первому встречному историю всей своей жизни. Правда, не сказать, что в последнее время я была на безумном количестве свиданий... Так, прекрати думать об этом... Сосредоточься...

Не нужно все время вставлять в свою речь «вы знаете». Произвести впечатление на мистера Норта можно своими знаниями о фирме, где он работает. У компании двенадцать офисов по всей стране, в общей сложности там работают около двухсот человек. Компания была основана в 1875 году... Или в 1895?.. Скажу в конце девятнадцатого века. Главный соперник их – более крупная контора по продаже недвижимости «Баркер и Гулдинг». Но я предпочитаю маленькие компании.

Я нажимаю на кнопку звонка. «У меня все получится», – бормочу я себе под нос уже в

миллионный раз. Почему я восемь лет нигде не работала?.. Ну, это длинная история... НТ. В конце концов, не нужны же ему все подробности моей личной жизни... Люси, скорее всего, уже рассказала ему, что у меня есть ребенок. Так что я просто добавлю, что не собираюсь больше заводить детей...

– Здравствуйте, Дженьюэри Уайлд, на собеседование, – говорю я в переговорное устройство, поправляя куртку и стряхнув с брюк белые собачьи шерстинки. – Я...

Дверь открывается.

– Мое собеседование назначено на десять часов, – говорю я, проводя пальцами по медальону.

Секретарша в облаке аромата «Шанель» приветствует меня улыбкой. Ее зовут Надин, на вид ей лет около пятидесяти, светловолосая, с крупным бюстом, но прелестными ножками, которые подчеркивает ее юбка миди и фиолетовые замшевые сапоги.

Фирма «Шервудс» расположена в отдельном здании и размещается на двух этажах. К приемной стойке ведет широкий коридор с деревянным полом, а в зоне ресепшен достаточно просторно, чтобы туда поместился стол, пара стульев и стеклянный журнальный столик, на котором громоздится кipa журналов «Кантри лайф». Офис располагается внизу – все сотрудники сидят в одном помещении, поделенном перегородками, и только у Джереми свой отдельный немаленький закуток – офис. Рядом с конференц-залом. Надин прокомментировала тишину, царившую в здании, объяснив ее тем, что все ушли на ланч.

Первое, что я замечаю, войдя в просторный офис Джереми Норта, – его безукоризненно сидящий на нем костюм, тронутые сединой волосы и очки в старомодной оправе, которые сползли опасно близко к кончику носа. Я с жаром пожимаю ему руку и сажусь в кресло.

Джереми перебирает документы, лежащие кучкой, видимо, в поисках моего резюме.

– Ну что же, Дженьюэри, должен признаться, имя у вас весьма необычное.

Из-за которого меня часто дразнят. Вечно меня переспрашивают: «А фамилия твоя как тогда? Дай-ка угадаю – Февраль? Или еще какой-нибудь месяц?» НТ. Я нервно хихикаю и так же нервно затыкаюсь.

Джереми с любопытством просматривает мое резюме. Меня одолевает желание начать рассказывать ему, что, если бы не рождение Айлы, моя карьера была бы куда более впечатляющей. Но я молчу.

– Получается, что непосредственно в сфере недвижимости опыта работы у вас нет, но, очевидно, отличить дом, выставленный на продажу, и дом, по покупке которого готовятся документы, вы друг от друга сможете? – спрашивает он сосредоточенно.

– Совершенно верно, – отвечаю я так торжественно, как будто принимаю постриг в церкви.

– От секретаря требуется большая концентрация внимания. У меня очень много командировок, в основном встречи с коллегами из других офисов или совещания по стране. Поэтому мне нужен кто-то, кто будет распределять мое время и следить за графиком.

– Я вас поняла.

– Как у вас с географией, Дженьюэри?

– С географией? Прекрасно, – бодро отвечаю я.

Прекрасно?!

– Последняя моя секретарша была совершенно очаровательна, но, боже мой, какие у нее были проблемы с географией. Она понятия не имела, где находится Принсес-Рисборо. Представьте себе – подумала, что я встречаюсь с принцем Рисборо.

– Какая прелесть, – отвечаю я, взглядываясь в висящую за ним на стене карту Великобритании, но, черт возьми, она слишком далеко, и я ничего не вижу. А светилом в области географии меня вряд ли можно назвать. Дедушка однажды спросил про столицу Турции, и я брякнула: Бернад Мэтьюз^[1].

– Видите ли, Дженьюэри, если мне нужно попасть из Норфолка в графство Чешир за один день, – продолжает Джереми, – вы должны знать, что мне понадобится куда больше часа, потому что я не президент Обама и частных самолетов у меня нет.

Его светло-голубые глаза сверкают озорными искорками. Думаю, в молодости у него были светлые волосы. Глядя на Джереми, я почему-то сразу же думаю о своем папе. Должно быть, он был бы сейчас примерно того же возраста.

– Как вы думаете, за сколько часов я смогу добраться из Норфолка в графство Чешир? – спрашивает вдруг Джереми.

– Из Норфолка в Чешир... – повторяю я, не слишком элегантно пытаюсь скрыть, что разглядываю карту за его спиной. Почему он просто не спросил меня о моих сильных сторонах и всякой такой ерунде?

– Это зависит от многих факторов, – с готовностью улыбаюсь я одной из своих отрететированных для такого случая улыбок, надеясь, что этого ему будет достаточно. Напрасно.

– Например? – смотрит он на меня внимательно сквозь линзы своих очков.

– Пробок на дорогах... и погоды – всякие там наводнения, штормовые предупреждения, ураганный ветер... – неловко продолжаю я.

– Ураганный ветер?

– Да, который может перевернуть вашу машину, если вовремя не объехать опасную зону... – окончательно зарываюсь я. НТ.

– Три часа или три с лишним, – говорю я, увидев выражение его лица.

– Я бы сказал, как минимум четыре, чтобы уж наверняка. В нашем бизнесе опоздания неприемлемы, – в тон мне говорит Джереми.

– Да. Всегда лучше быть осторожным.

– Важно вести себя профессионально и приходить вовремя.

– Совершенно с вами согласна. Обычно я всегда прихожу заранее. Как-то раз у моих друзей была свадьба, так я вообще раньше невесты пришла, ха-ха...

Я обрываю себя и складываю руки на коленях.

– В общем, вы совершенно правы.

– Да. В ваши обязанности будет также входить реклама, дизайн брошюр, нужно будет ездить с фотографами и снимать дома в наиболее выгодных ракурсах плюс составлять красивые описания для рекламных афиш. Познакомьтесь с процессом создания рекламы недвижимости, одним словом, – продолжает Джереми. И делает паузу.

– Люси мне говорила, у вас семья?

Я киваю.

– У меня маленькая дочь, ее зовут Айла, – говорю я и добавляю, что уже придумала, кто будет сидеть с Айлой, не вдаваясь, однако, в детали. На самом деле из кандидатов в няни только румынка по имени Руки, которой нужна подработка, – она работает парикмахером в приюте для бездомных.

– И еще у меня есть песик, – сообщаю я, заметив на книжной полке у стены фотографию двух золотистых лабрадоров.

– Надо же! И какой породы? – впервые за весь разговор Джереми оживился. Как будто в темной комнате включили вдруг свет.

– Джек-рассел-терьер. Зовут его Спад, – отвечаю я.

– У меня две собаки, – Джереми хватает с полки фотографию своих псов, – Альберт, в честь Альберта Бриджа, и Элвис, потому что моя жена любит... – и он начинает напевать «Я мечтаю о снежном Рождестве» в стиле Элвиса Пресли. – Не поверите, как полезно иметь домашних животных в нашей профессии. Один раз мы сошлись с одной клиенткой только благодаря общей теме – у нее тоже была собака, породы спиноне.

Я смеюсь.

С утроенной энергией Джереми продолжает рассказывать мне, что один из важнейших аспектов нашей работы – это дарить радость клиентам.

– Бывают среди них люди весьма милые, а другие, наоборот, вызывают отвращение, но без клиентов у нас не было бы что продавать.

Джереми снимает телефонную трубку, звонит Надин и просит принести нам кофе.

– А некоторые из них вообще напоминают бисквитное печенье с горчицей, – говорит он с французским акцентом, подмигивая мне.

– Так вот. Я говорил о том... – начинает он.

И замолкает.

– Вы говорили, насколько важны клиенты, – напоминаю я.

– Верно. Часто мы продаем дома богатым и знаменитым или, наоборот, богатые и знаменитые перепродают дома через нашу фирму, поэтому по благоразумию и рассудительности вам необходима прямо-таки ученая степень.

– У меня есть такая, – отвечаю я.

Джереми постукивает пальцами по столу.

– Обычно люди забывают, что продать дом – это в каком-то смысле расстаться с хорошим другом. Нам приходится иметь дело с самым драгоценным, что есть у наших клиентов. Недвижимость – это вам не акции «Бритиш телеком». Некоторые клиенты, особенно люди пожилые, могут даже расплакаться: они прожили в этом доме больше сорока лет, но теперь им приходится продавать его, потому что они больше с ним не справляются или потому что больны. И к этому нужно относиться тактично. Этим людям приходится прощаться с домами, полными воспоминаний, местом, где они воспитывали своих детей.

Где живут ваши родители?

– В Корнуолле.

– Прекрасно. А где именно?

– На южном побережье, недалеко от Сент-Остелла.

Из окна моей комнаты виднеется зеленая лужайка, похожая на мягкое плюшевое одеяло, и синее-синее море. Я сразу представляю свою бабулю у телефона – она ждет моего звонка, разгадывая кроссворд или что-нибудь подшивая. Раньше она вязала кофты и платья для Айлы. Или, может быть, она занимается на фортепиано. Она играет с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать и я уехала из дома. Теперь она уже не проводит столько времени в саду, как раньше, и старается не выходить из дома надолго. Меня захлестывают эмоции – я вспоминаю, как бабуля складывает все свои лекарства в одну коробочку со множеством отделений, и шутит при этом, что, не сложи она их так, ни за что не вспомнит потом, выпила ли все необходимые снадобья.

– Они всю жизнь там живут? – спросил Джереми.

– Мы переехали, когда мне было девять лет, – говорю я, вспоминая, в какой депрессии был мой брат Лукас, когда мы уехали из Лондона.

– *Вы мне жизнь сломали!* – кричал он на бабулю и дедулю, захлопнув за собой дверь. – *Здесь ужасно!*

Я возвращаюсь обратно в реальность – в кабинет входит Надин с подносом, который она ставит на стол, и я надеюсь, что Джереми не станет задавать вопросы более личного характера.

– Спасибо, Надин.

Джереми разливает кофе по чашкам и предлагает мне булочку. Потом продолжает:

– Уверен, что, продавая дом, ваши родители будут помнить все эти дождливые вечера, когда вы сидели за кухонным столом и делали домашние задания по математике или когда ночевали в палатке в саду. Мои дети, например, обожали наряжаться в разных персонажей и выступать перед соседями, которым я искренне сочувствую, – улыбается он.

Пожалуйста, не продолжайте. Я испытываю очень сильную боль и с трудом удерживаюсь от слез. Мои родители не успели увидеть, как я научилась кататься на велосипеде. Не успели научить нас с Лукасом плавать и не проверяли нам дневники. Все их надежды и мечты о будущем... может быть, завести еще одного ребенка... все их мечты разбились в одно мгновение... А моим бабушке и дедушке достались одни лишь осколки.

– Держу пари, ваша мама даже помнит... О, нет, Дженьюэри, что случилось? – начинает было Джереми, но тут же замолкает, увидев выражение моего лица. Потом в замешательстве открывает верхний ящик стола и протягивает мне упаковку салфеток.

– Нет, ничего. Прошу прощения, – шмыгаю я, вынув одну. Я не плакала, думая о моих родителях, уже довольно долго. Почему же вдруг сейчас разрыдалась-то?

– Все хорошо, – заверяю я Джереми, вытирая глаза. А ну соберись, Дженьюэри. Пора снова вернуться в свою колею. Последние восемь лет были для меня сплошной чередой медицинских осмотров Айлы, и теперь я чувствую себя смертельно одиноко – ведь Айла в школе, а у меня теперь куча свободного времени, времени, которое тянется, словно длинная и пустынная дорога, не имеющая конца. Я совершенно потеряна.

– Может быть, надо позвать врача? – спрашивает Джереми после нового приступа моих рыданий.

Стук в дверь.

– Не сейчас, Надин!

Надин просовывает голову в дверь.

– Тут... тут звонит мистер Пэриш, он хотел бы внести предложение...

– Позже! – рявкает Джереми.

Надин ретируется.

– Простите, – мямлю я, – ответьте, пожалуйста, на звонок.

– Это может и подождать. Я что, что-то не то сказал?

В голосе Джереми я слышу неподдельное волнение.

– Мои родители погибли, когда я была ребенком, – лепечу я.

Джереми смущен.

– Как бестактно с моей стороны!

– Откуда же вы могли знать... Нас с братом воспитывали бабушка с дедушкой. И я счастлива. Они заменили нам родителей. У меня было все, о чем ребенок может только мечтать.

– Но не было мамы и папы.

Повисает долгая пауза.

– У вас ведь сейчас собственная семья? Дочь, – продолжает Джереми, видимо, надеясь, что так мне станет легче.

Я чувствую комок в горле. *Если ты получишь работу, ты ведь по-прежнему будешь моей мамой?*

И я снова начинаю рыдать. Не могу остановиться. И о чем я только думала, когда сочла себя способной продержаться целое собеседование в этом идиотском костюме, который мне так сильно жмет, что я не могу сосредоточиться?

Снова раздается предупредительный стук в дверь. Входит Надин:

– Прошу прощения, Джереми, но мистер Пэриш настаивает...

Заметив мое лицо, Надин замолкает:

– Я вернусь позже.

Дверь захлопывается.

– Прошу прощения, – говорю я Джереми, – я уже и так потратила достаточно вашего времени, я...

Джереми жестом останавливает меня.

– Хотите, начнем собеседование заново?

Ошеломленная, я киваю. Он дает мне время собраться и вытереть слезы. Ну же, Джереми, спросите меня о «Шервудс», задайте какой-нибудь такой вопрос, на который ответить мне будет легко.

– Сколько лет вашей дочери?

Удивленная, я отвечаю:

– Восемь.

– И вы воспитываете ее одна? Должно быть, несладко вам приходится.

– Отец Айлы, Дэниел...

Я замолкаю, не зная, как рассказать Джереми эту сложную историю.

– Он нас не бросил. Он хороший отец, но мы расстались.

Меня одолевают воспоминания: мы гуляем в парке – Айла на плечах у Дэна. Они смеются – Дэн гонится по полю за Спадом, Айла кричит: «Быстрее, папа!»

Джереми снимает трубку и связывается с секретаршей:

– Надин, отмените все мои встречи и скажите господину Пэришу, что в течение следующего часа я буду недоступен, потому что случилось нечто чрезвычайное.

Он смотрит на меня добрым взглядом:

– Какая она, ваша Айла?

– Даже и не знаю, с чего же начать...

– С начала.

Шесть лет назад, 2005 год

Айле два года. После очередного осмотра у врача я в каком-то оцепенении везу коляску с дочерью по коридору к лифтам. Мы выходим из здания, в лицо бьет мощный поток свежего воздуха. Я смотрю на машины, слышу сирены «Скорой помощи» и вижу людей, бегущих по улице. Кто-то пьет кофе, кто-то говорит по мобильному. Я не могу ничего понять... Как же жизнь может вот так продолжаться, когда мой мир только что перевернулся с ног на голову?

Пока мы ждем автобуса, я постоянно напоминаю себе, что Айла – та же самая девочка, что и двадцать минут назад. Ничего не изменилось. Я смотрю на нее, вот она сидит передо мной в коляске – каштановые кудряшки, пухлые щечки, большие круглые глаза... Вот только все изменилось. Мы садимся в автобус.

– Что сегодня будем к чаю? – спрашиваю я веселым голосом, а в голове только и слышу, что эти жуткие слова доктора: *«У Айлы церебральный паралич»*.

Я сжимаю кулак и чувствую, как ноготь большого пальца вонзается в кожу.

– Нана! – Айла прижимает к груди плюшевого мишку.

– А давай-ка я сделаю банановый смузи! – говорю я, чувствуя, как ноготь вонзается все глубже. Ну конечно, иначе и быть не могло: Айла до сих пор не встает, у нее совсем нарушена балансировка. Она все еще ползает, а когда ей удастся встать, ходит она только на цыпочках.

Я смотрю в окно. И вижу перед глазами доктора и его компьютер.

– *Часто в первые месяцы распознать ДЦП не представляется возможным...*

Я ерзаю на стуле.

– *У Айлы поврежден мозг в области, которая отвечает за тонус мышц. Поэтому у нее такое напряжение в ногах.*

– *То есть мозг Айлы неправильно координирует ее тело?*

– *Именно. Импульсы от мышц оказывают чрезмерную нагрузку на спинной мозг, и отсюда мышечный спазм, или паралич.*

Опять это жуткое слово. Как бы я хотела иметь достаточно наглости, чтобы попросить доктора не произносить его.

– *Конечно, спастика может быть выражена в разной степени, – продолжает доктор. – Я вижу, у Айлы перенапрягаются и мышцы рук тоже, но в куда меньшей степени. Думаю, у нее могут быть трудности с ходьбой и некоторые трудности в обучении из-за повреждения мозга...*

У меня на душе кошки скребут. И я совершенно беспомощна.

– *Но в ее случае не думаю, что все так серьезно. Айла умница. Очень важно подобрать правильное лечение. Мы же не хотим сделать бедной девочке хуже... понадобятся специальные лангеты, и я рекомендую провести курс гидротерапии. Ей нужно будет регулярно делать упражнения на растяжку.*

Я вижу женщину с маленьким сыном. Его светлые волосы переливаются на солнце. На вид ему года три-четыре, на нем комбинезон и кепка. Он нажимает на кнопку, а потом бежит к выходу. В моей голове лишь одна мысль: «Почему это случилось со мной и Айлой? Неужели что-то пошло не так во время беременности?» Слезы застилают мне глаза. Неужели во всем этом ужасе виновата одна я?

Дома меня встречает гробовая тишина. Я включаю телевизор, чтобы хоть что-нибудь создавало шум. Я ставлю чайник, потом решаю повременить с чаем и откупориваю бутылку вина. Рядом Айла играет со своими игрушками, разбросанными по полу. Я сажусь за кухонным столом и смотрю на информационную брошюру, которую доктор дал мне по окончании обследования. *Существуют три типа ЦП*, читаю я. У моей дочери тетрапарез с преимущественным поражением ног. Я понятия не имела, что есть разные виды паралича. Как бы там ни было, ужасны они все. При слове «паралич» я всегда представляла себе людей в инвалидных креслах с вывернутыми судорогой конечностями, едва способных говорить.

– *Практически невозможно с уверенностью сказать, почему часть мозга ребенка была повреждена или не развивалась, но это может быть вызвано рядом причин... Чтобы поддерживать мышцы в здоровом состоянии, необходим правильный мышечный тонус. Мышца напрягается или расслабляется за счет импульса, по нервным окончаниям передающегося в спинной мозг из самой мышцы...*

Я вижу рисунок: человеческое тело в разрезе, утыканное стрелочками с пояснениями. Помню, доктор говорил что-то про «сенсорные» и «двигательные» нейроны. Я снова смотрю на размытые слова. Они словно на другом языке, которому я не хочу учиться.

Вместо всего этого я должна была бы делать чай для Айлы.

Я обхватываю голову руками, и силы покидают меня. Пожалуйста, Господи, пусть это будет всего лишь сон. Потом я сажусь, точно зная, что нужно делать. Лезу в сумку, достаю мобильный. Нужно найти Дэна раз и навсегда. Я звоню в его старый офис. Дэн журналист. Во всяком случае, был журналистом. Уж не знаю, до сих пор ли. Я решила не вешать трубку, пока у меня не появится хоть какая-то информация. Кто-то должен знать хоть *что-то*. Не мог же Дэн просто взять и исчезнуть.

– Привет, могу ли я поговорить с кем-то, кто раньше работал с Дэном Грегори?

– А с кем имею честь? – отвечают на том конце связи.

– С его другом.

Секретарь колеблется, но все же соединяет меня с бывшим начальником Дэна.

– Я вам, кажется, уже все объяснил? – Не слишком-то дружелюбно.

– Да, но у кого-нибудь ведь есть его контактные данные?

– Нет.

– Но это очень важно... – говорю я дрожащим голосом. – Мне нужно...

– Он ничего нам не сообщил, – прерывают меня. – Как я уже сказал вам, Дэн уехал без предупреждения... Я думаю, он уехал за границу.

То есть я, наверное, была не единственной, кого он подвел.

– Вы не знаете никого, кто мог бы знать, где он находится?

– Сожалею.

– Это срочно. *Пожалуйста*.

– Ничем не могу помочь.

Я кидаю мобильник на стол. В душе бушует гнев. Мы с Дэном не провстречались достаточно долго, чтобы я успела познакомиться с его друзьями или родителями. Он словно стер свое прошлое, сменил номер мобильного, адрес, сочинил себе новую жизнь.

Сквозь стекло в двери я вижу, как Айла берет кусочек пазла, пробует на зуб, а потом со смешком кидает через всю комнату.

Я делаю еще глоток вина и набираю номер бабушки с дедушкой. Трубку после первого же зуммера снимает бабуля:

– Какие новости?

Мое молчание более чем красноречиво.

– О, Дженьюэри, – протягивает задумчиво бабуля. И от одного звука ее голоса я начинаю плакать.

– У меня ничего не получится, бабулечка. Мне страшно, – говорю я. И рассказываю, как снова попыталась связаться с Дэном, что я в отчаянии.

– Приезжайте к нам, – умоляет бабуля.

Закончив разговор, я очень долго сижу за кухонным столом, уставившись в никуда, как вдруг чувствую прикосновение.

– Мамочка? – Айла смотрит на меня и широко-широко улыбается, как бы говоря, что все будет хорошо. Я беру ее на руки и качаю.

– У тебя есть я, а у меня есть ты, Айла, и все будет хорошо, – говорю я и чувствую, как сердце обливается кровью.

Весна 2014 года

Я в коктейль-баре королевской «Over-Seas League» в центре Лондона, заказываю бокал шампанского – вечеринка по случаю выхода Джереми на пенсию начнется... Я смотрю на часы... примерно через полчаса. Джереми – член Лиги, поэтому провести вечеринку именно здесь показалось мне наилучшим вариантом. Тут старомодный интерьер: роскошные красные и золотые ковры, люстры, белые льняные скатерти на столах. Просторные залы, которые можно арендовать для проведения конференций и всяких мероприятий. Мы с Надин пришли сильно заранее, чтобы помочь все подготовить. Арендовали большой зал на верхнем этаже здания, вместимостью сто пятьдесят человек. Надин сейчас там, приводит все в порядок.

– Расслабься, Джен, – сказала она. – Закажи себе шампанского и жди Джереми.

Почти все сотрудники «Шервудс» собирались прийти. Некоторые даже проделали огромный путь из офиса в Гексеме, Нортумберленд. Джереми все любили; клиентам нравилось с ним работать, потому что у него ко всем было человеческое отношение.

Уход Джереми на пенсию вызвал бурю эмоций. Надин работала в «Шервудс» шестнадцать лет и относилась к своему начальнику, как к любимому дядюшке. А мне, хотя я проработала там всего три года, Джереми и вовсе отца заменил. Конечно, у него есть пара раздражающих привычек, особенно любовь к французским выражениям. Но помимо моего дедули он один из самых добрых людей, которых я знаю, и настоящий джентльмен. Вспоминая свое провальное собеседование, я до сих пор удивляюсь, как он вообще после моей «оскароносной» истерики доверил мне эту должность. Любой бы на его месте указал мне на дверь. И уж точно не стал бы предлагать носовой платок, выслушивать о диагнозе Айлы и отсутствии в нашей с ней жизни Дэна. Помню, Джереми спросил, ходит ли Айла в специальную школу, а я призналась, что в обычную, потому что ей необходимо учиться жить в социуме. Призналась, что Айле повезло – внешне ее проблемы со здоровьем незаметны, но все всё равно на нее пялились из-за худых ног и неровной походки.

Поработав с Джереми пару месяцев, я осмелела настолько, что спросила его, чем он руководствовался, когда взял меня на работу.

– Я чувствовал, что тебе нужно что-то новое в жизни, – ответил он, – и к тому же все, кто любит собак...

За те три года, что я проработала в компании, Спад стал ее талисманом. Он даже на сайте, сидит во главе стола в конференц-зале.

У меня больше никогда не будет такого прекрасного начальника, как Джереми. Он один на миллион. Когда умерла моя бабулечка, слава Богу, во сне, без мучений, он обнял меня и не отпускал, пока я не перестала плакать.

Ноги гудят. Я беру бокал и усаживаюсь за единственный свободный столик в углу. Хочу просмотреть заметки. Просьба Джереми сказать небольшую речь застала меня врасплох, но как я могла отказаться? Повторяя ее, я так нервничала, боялась ударить в грязь лицом, что даже не заметила, как на пороге бара возник Спенсер Хант, невозможно прекрасный сотрудник конкурирующей с нами фирмы «Баркер и Гулдинг». Он приветствовал меня поцелуем в щеку, что, признаться, было для меня неожиданно, и, когда он бросил взгляд на мои записи, в глазах его заплясали озорные искорки.

– Ты такая красивая, Джен. Тебе очень идет красное платье.

Он бросает свой мобильный телефон на стол и садится напротив меня. Я смотрю на него – на высоком и подтянутом Спенсере белая рубашка, костюм и галстук. У него голубые глаза и ухоженное лицо. И я хочу подавить проснувшуюся во мне тупую малолетку, с точки зрения которой он – божество. Только напрасно.

– Но то, что под ним, я люблю еще больше, – продолжает он.

– Не сегодня, Спенсер, – шикаю я.

– Давай где-нибудь уединимся после этой вечеринки, – подмигивает мне Спенсер.

– Не могу, занята, – отвечаю я, обещая себе быть сильной.

Со Спенсером мы знакомы чуть больше года. Прежде чем получить должность в «Баркер и Гулдинг», он работал в одной из фирм по продаже недвижимости в Нью-Йорке. Часто Джереми и Спенсер работали друг с другом, как двойные агенты. Но, хотя Джереми его искренне любит, он однажды предупредил меня, что, если я не смогу устоять перед обаянием Спенсера, он меня никогда не простит. Вот почему Джереми не должен узнать, что я уже не устояла. Не один и даже не два, а целых три раза. Первый раз это случилось на вечеринке по случаю Рождества. Мы едва познакомились. Сидели в баре, выпивали, смеялись, и я даже поверить не могла, что на меня обратил внимание такой мужчина. Айла ушла к подруге с ночевкой, так что я отпустила тормоза, хотя в глубине души понимала – не очень дальновидно спать с человеком, который работает в конкурирующей фирме. Но рассудительность меня вдруг покинула. И вернулась на следующее утро – я объявила Спенсеру, что больше подобного не повторится.

– Почему? – спросил он, наблюдая, как я одеваюсь, а потом схватил меня за руку и потащил обратно в постель, ловко расстегивая пуговицы на моем топе.

– Мне пора ехать за Айлой, – пробормотала я.

– Позвони маме и скажи, что ты застряла в пробке, – прошептал Спенсер, его губы прижались к моей шее, и все снова произошло.

Во второй (ну, технически, в третий) раз Джереми устроил для своих сотрудников выходной – мы все вместе пошли смотреть кубок Уимблдона, и кого бы вы думали я встретила в очереди в бар? С тех пор как мы переспали, прошло не меньше полугода, но Спенсер не переставал звонить мне и присылать сообщения с просьбой встретиться где-нибудь после работы и пропустить по стаканчику. Но я знала, что отношения с ним обречены. В тот день я в который раз напомнила ему, что у меня есть дочь, но каждый раз, когда я об этом говорила, Спенсер, наоборот, казался еще более заинтересованным.

– Пошел к черту этот теннис, – прошептал он мне на ухо, и от прикосновения его руки к моей спине я ощутила дикое желание повторить мои предыдущие «подвиги». После этого секса, который был явно лучшим в моей жизни, я подумала, что, может быть, у нас со Спенсером действительно эмоциональная связь, что между нами больше, чем просто химия, и решила – не стоит им пренебрегать. В течение следующих нескольких дней я начала фантазировать, что я особенная, что, возможно, именно я – та самая девушка, которая вернет его на путь истинный. Я почти убедила себя в этом, когда вдруг однажды вечером, идя к метро, заметила, как он лапает какую-то женщину. Я разозлилась, но не на Спенсера, а на себя.

Наш третий раз был совсем недавно. Я чувствовала себя опустошенной. Я люблю Айлу всем сердцем, но у меня выдалась тяжелая неделька – я прямо-таки не могла с ней справиться. Я нуждалась в объятиях... это же так вредно, когда ты не получаешь дозу

объятий, так ведь? Хотя как оправдание это не выдерживает никакой критики.

– Спенс, я не могу, – указываю я на свои заготовки для речи.

– Можешь. Все равно долго внимание публики ты своей речью удерживать не сможешь, – он наклоняется ко мне и еле заметно улыбается, – минут через семь, не больше, гости уже будут лицом в салатах.

Я просматриваю комнату еще раз. В ближайшее время должны подойти все, в том числе и мой будущий новый босс, Уорд Меткалф. На короткой встрече с ним на прошлой неделе наша команда успела с ним познакомиться. По словам Джереми, Уорд продал свою собственную компанию шесть месяцев назад, потому что хотел попробовать нечто новое. Что ж, этот шанс для него выпал в «Шервудс». Прошлый год стал для нас финансовой катастрофой – мы сбились с курса, и сомнений в том нет. Джереми разрекламировал нам Уорда как человека, страстно увлеченного своим делом, целеустремленного и обладающего лидерскими качествами, но, признаться честно, он вообще мне не понравился. Показался каким-то холодным и отстраненным, как будто его мысли занимало что-то куда более важное, чем встреча с новым коллективом. Спенсер хорошо с ним знаком – они раньше работали в одной компании. К сожалению, мнение Спенсера об Уорде тоже не блестящее. Телефон Спенсера звонит. На экране высвечивается имя Алисия. А на прошлой неделе это была Джемина. Собственно, понимаете, почему я не хочу с ним связываться. Какая нормальная женщина захочет быть всего лишь именем в телефонной книжке?

– Вынужден откланяться, – говорит Спенсер, подмигивая мне, а потом окидывает совершенно беспардонным взглядом блондинку, сидящую за соседним столом.

Я снова смотрю на свои заметки, перечитав в набросках историю про то, как Эмма, обидевшись на Джереми, приготовила ему курицу и бутерброд с собачьим мясом, потом в полдень ее замучила совесть, и она попросила меня сделать так, чтобы он его не съел. Я постучала в дверь и увидела, что Джереми уже доедает последний кусочек и что он в полном восторге – он сказал, что надо бы поинтересоваться, где его жена купила такой потрясающий *le pâté*. Должно быть, я сейчас расхохоталась, потому что женщина, на которую обратил внимание Спенсер, теперь смотрит на меня с плохо скрываемым любопытством. За столом она одна, в руке у нее бокал белого вина, а на стройном запястье поблескивает восхитительная золотая цепочка.

Но не могу же я начать рассказывать ей про бутерброд с собачьим мясом, поэтому я делаю вид, что мой смех – исключительно нервного характера. Только женщина все равно глаз с меня не сводит.

– Я сегодня должна познакомиться с новым начальником, – говорю я, заметив, как она прекрасна, прямо-таки роза. Ее светлые волосы уложены в стильный боб, из которого не выбивается ни единого волоска.

– Да? А кем вы работаете? – спрашивает незнакомка.

Как я ненавижу этот вопрос!

– Я агент по продаже недвижимости, – отвечаю я извиняющимся тоном. – Ну, на самом деле не совсем агент. Скорее работаю на агента по продаже недвижимости, отдел загородных домов и особняков. Нет, это только звучит так красиво, а на самом деле все куда прозаичнее! Во всяком случае, радости от встречи мало, потому что еще ни одного хорошего отзыва о будущем начальнике я не слышала.

Я делаю еще глоток шампанского.

– Слышала, что он отвратителен, – продолжаю я. – Со слов Спенсера, который был здесь

минуту назад.

Она кивает. Становится понятно, что она его заметила.

– Он говорит, что Уорд – настоящий рабовладелец без чувства юмора. – Я отпиваю еще немного шампанского, уже чувствуя легкое головокружение. Вот что происходит, когда у тебя ребенок и ты редко бываешь на вечеринках.

– Спенсер говорил, что он и бабник, хотя я думаю, что он женат...

– Вот же сволочь, – говорит женщина и проводит по краешку бокала, не сводя с меня глаз.

– В точку. Хотя... Спенсер, например, неплохой собеседник! Так вот, Уорд... – продолжаю я, наслаждаясь тем, что смогла отвлечься. – Уорд? Уорд... Хотела б я знать, какой родитель назовет так своего ребенка?

– Я бы в суд подала, – поддакивает она. Ее взгляд обезоруживает, и я снова начинаю болтать.

– Кстати, я Дженьюэри. Каких только фамилий не придумают. Сэйлз! Дженьюэри Сэйлз!

Она встает, и взгляд ее тут же тускнеет.

– Простите, – говорит она. На ней кремовые брюки и золотой кардиган. У нее фигура балерины, и я вижу восхищенные взгляды мужчин, заметивших ее появление.

Когда она выходит из бара, в дверях я замечаю Надин в фиолетовом платье с вязанным вручную поясом. Я собираю свои заметки и провожу рукой по медальону, шепча:

– Пожелайте мне удачи.

– Джереми – настоящее солнце, – говорю я. Впереди – море лиц. В горле у меня пересохло, а руки трясутся, как желе, и колени подламываются. Я поднимаю стакан с водой.

– Он сердился лишь изредка, – добавляю я.

И замечаю Эмму, жену Джереми, рядом с Грэмом, с которым мы работаем в одном офисе. Эмма слегка полновата, у нее теплое, открытое лицо, и хотя ей всего-то за сорок, она не стесняется своей седины.

– Мне не очень понравилось работать в тот день, когда Эмма вместо неэтилированного бензина заправила его машину дизельным топливом...

Кто-то в зале смеется, и это дает мне стимул продолжить:

– Во многих отношениях он старомоден – просит отключать мобильные телефоны во время совещаний; вообще их не любит...

Джереми, стоящий рядом со мной, аплодирует.

– На самом деле он – полная противоположность моему представлению об агенте по продаже недвижимости!

Зал смеется, а я ловлю на себе взгляд Спенсера. Он стоит в задней части зала, разговаривает с блондинкой, которая была в баре. Невероятно. Сколько же женщин он в состоянии уболтать за неделю? Стоп. Я вспоминаю все, что ей сказала. Кто она такая вообще?

– Я могу с уверенностью сказать, что по вам будут скучать все здесь присутствующие, без исключения, – продолжаю я, понимая, что по-прежнему не могу поймать мысль.

– Спасибо за то, что ты был лучшим начальником и другом.

Облегчение переполняет меня, когда я вручаю ему нечто прямоугольное, завернутое в коричневую оберточную бумагу. Это пейзаж – акварельный рисунок любимого места

Джереми на побережье рыбацкой деревушки Броры.

Джереми благодарит коллектив, особенно отметив Надин – лицо нашего офиса в Лондоне в течение многих лет. И тут я замечаю, что Уорд направляется к сцене. Рядом с ним женщина с темными волосами в оранжевом платье.

– Джереми! Кто эта женщина за... – хватаю я за руку Джереми и тут же замолкаю. Ее нет.

– Дженьюэри, – он берет меня под локоток и отводит в сторонку. – Хочу сказать тебе лично: ты сделала мои последние три года незабываемыми.

– Как мило, – отвечаю я и краем глаза выхватываю Уорда. Он говорит со Спенсером.

– А твое собеседование было... пожалуй, одним из самых ярких в моей карьере, и в тот же момент, когда ты только зашла, я знал, что буду полный дурак, если тебя не возьму. Меня подкупили твоя искренность и надежность.

– В самом деле? – рассеянно роняю я, а сама думаю: «Куда она делась?»

– Твои родители и бабуля гордились бы тобой, – улыбается Джереми.

– Что? – Я вдруг спохватываюсь, что не расслышала последнюю фразу.

– Ты ведь ни слова не слышала из того, что я сказал? – посмеивается он.

– Прости меня, пожалуйста, прости! – Я поворачиваюсь к нему, целую в щеку и треплю по ладони. – Спасибо тебе за все.

– Вот увидишь – я отдаю тебя в надежные руки, – говорит Джереми, а потом очередной доброжелатель отвлекает его.

Вдруг я замечаю, как ко мне приближается Уорд. Как и Спенсер, он высокий и стройный, и на нем тоже костюм с иголки и галстук, но он кажется старше своего возраста (Джереми как-то упомянул, что Уорду сорок один.)

– Хорошая речь, – говорит он и проводит рукой по своим густым темным волосам.

– Благодарю.

– Надо думать, вы нервничали.

– Никогда не отличалась ораторскими способностями.

И вдруг улыбка сходит с моего лица – как он узнал, что я нервничала перед речью?

Уорд всматривается в толпу и провозглашает:

– Дорогая, мы здесь.

Он поворачивается ко мне спиной:

– Я хотел бы познакомить вас с моей женой, Мариной. Она с нетерпением ждет встречи с моим новым помощником.

Рядом проходит официант с подносом, на котором стоит шампанское. Я хватаю бокал и залпом выпиваю его. Мне очень, очень крупно не повезло, если та, с кем я в баре разоткровенничалась... Сейчас окажется передо мной. Нет, пожалуйста, не останавливайся. Иди дальше. Иди же!

Но, конечно, она останавливается, кладет руку на плечо Уорда и смотрит мне в глаза, явно чувствуя мое смущение.

– Как я понимаю, вы уже встречались, – говорит Уорд. – И даже успели немного поболтать.

На мгновение все в зале останавливается. Мне трудно дышать.

Но и Уорд, и Марина остаются совершенно невозмутимыми.

– Приятно познакомиться, – произносит его жена, пристально глядя на меня и пожимая мне руку. У меня вдруг пропадает голос.

– До завтра. Увидимся в офисе, – говорит Уорд.

Я готова от стыда сквозь землю провалиться. Они уходят, и Марина оборачивается в мою сторону, обжигая ледяным взглядом.

– Я идиотка, просто идиотка! – Возвращаясь домой на такси, я разговариваю с дедулей.

Я уже и Лиззи позвонила, но ее не было дома, так что я оставила плохо сформулированное сообщение с просьбой перезвонить.

– Сама себе могилу вырыла. Что делать, если Уорд меня уволит?

– Никого он не уволит. Не переживай.

– Но, дедушка, я сама похоронила собственную карьеру! Что мне теперь делать?

Я в ужасе перед завтрашней встречей с ним. *Слышала, что он отвратителен. Настоящий рабовладелец без чувства юмора.* Как я теперь в глаза ему буду смотреть? Может, сказатьсь больной? Но он поймет, что у меня просто похмелье, и тогда подумает, что я просто трусиха. Тем более с Уордом мы увидимся только послезавтра. Конечно, можно сделать вид, что я заболела чем-нибудь неизвестным.

– Дедуль? Ты еще там? – интересуюсь я, испугавшись повисшей в трубке тишины.

– Я думаю.

– Не думай слишком долго...

Спенсер говорил, что он и бабник, хотя я думаю, что он женат.

Может, Марина не все ему передала? Да нет, точно все. Он все знает.

– Джен, завтра ты придешь на работу с высоко поднятой головой и извинишься за все это недоразумение. Если в нем есть хоть чуточка такта, он примет твои извинения, и можно будет жить дальше.

Я прикусываю губу.

– Ты прав, – говорю я.

– Я всегда прав. А теперь можно я досмотрю *Франкенштейна*?

Так как бабушка умерла, по ночам он все время смотрит старые фильмы. Мне кажется, что он и спать-то почти перестал.

– Я возвращаюсь домой на выходные, – напоминаю я ему, попутно попросив водителя такси свернуть после светофора налево. – На чей-то специальный день рождения.

Дедушке исполняется восемьдесят шесть. Так совпало, что и мама родилась в тот же день, и поэтому мы всегда отмечаем этот праздник как годовщину происшедшего с родителями. Так что это очень важно.

– Лукас приедет? – спрашивает дедушка с надеждой.

– Думаю, да, – говорю я, не будучи, впрочем, до конца уверена. – А он не звонил?

Лукас звонил мне на неделе и сказал, что, возможно, в выходные ему придется работать – окончательно все станет понятно в последний момент. В прошлом году, например, он не приехал. Сразу почувствовал мое недовольство и поторопился с предупреждением: «Только не надо истерик, Дженьюэри!»

Лукас работает финансовым консультантом в одной из крупных британских банковских групп, и я могу понять, что у него не самая простая работа и его должность требует больших временных затрат, но все же хотелось бы, чтобы приоритетной для него была не карьера, а семья. Дедушка, конечно, не жалуется, но в глубине души я знаю, что ему обидно.

Когда я вижу Айлу в кровати, с высунутой из-под одеяла ручкой, с мягкими

шелковистыми волосами, спадающими на подушку, мне сразу становится спокойнее, и все тревожные мысли о Лукасе, дедушке и Уорде исчезают. Хорошо, это катастрофа, но есть вещи и похуже. Скажем, гражданские войны. Тут хорошо посмотреть на ситуацию под другим углом. Оплошала ты, Дженьюэри, но это ведь не конец света. Я желаю дочери спокойной ночи.

«Когда дела плохи, это тебя бодрит, ты сразу мобилизуешься, – слышу я в голове голос бабули. – А утро вечера мудренее...»

1988 год

– Тот, кто первым увидит море, получит мороженое, когда мы пойдем на пляж, – говорит бабуля каждый раз, когда мы отправляемся в Корнуолл на лето. Мы едем в Сент-Остелл. Это на южном побережье, недалеко от Бодмина.

Я смотрю на Лукаса. У него на коленях желтый кассетный аудиоплеер. Мне девять лет. Моему брату – двенадцать.

– А я уже вижу море! – говорю я.

Лукас снимает с головы наушники.

– Мы за много миль от моря, дурочка.

Бабушка поворачивается к нам.

– Так! Ну-ка прекратите ссориться.

Она протягивает мне коробочку с обсыпанными сахарной пудрой конфетами.

Дедушка включает свою любимую оперу и причитает, жалуясь на персонал службы доставки – сегодня вся наша мебель отправится вместе с нами в Корнуолл. Потому что на этот раз мы собираемся туда насовсем. Мой прадедушка, то есть дедулин папа, Мик, умер и оставил нам свой дом. Он называется Бич-Хауз, очевидно, потому что находится у моря. Лукас не хотел уезжать из Лондона и пригрозил сбежать.

– Слушай, дорогой мой, – наконец взорвалась бабушка. – Пока мы за тобой присматриваем, будешь жить по нашим правилам. Когда тебе исполнится восемнадцать, делай как знаешь.

– Жду не дождусь, – ответил Лукас, припечатав меня суровым взглядом своих темных глаз.

Я опускаю голову и рассматриваю синяк на руке. Закрываю глаза и снова вижу, как Тоби Браун бьет меня с размаху ногой в модных кедах. Он зло смеется, а я изо всех сил стараюсь не плакать – не хочу доставлять ему такого удовольствия. Он совсем близко, прижимает свое лицо к моему, и шепчет: «Круто, что твои родители сдохли!» Мама и папа погибли в автокатастрофе, когда мне был всего год, а Лукасу не было и трех лет. Тоби однажды даже стащил мой кардиган, а в конце дня я обнаружила его в своем шкафчике мокрым и пахнущим мочой.

– Зачем он так, бабушка? – спросила я робко, глядя, как бабуля кладет кардиган в стиральную машину.

– Такие люди, как Тоби, они всегда выбирают мишень. Если бы это была не ты, это был бы кто-то еще, – бабушка обнимает меня и гладит по спине. – Но, конечно, это не значит, что можно так себя вести. Обещаю тебе, что сделаю все, чтобы это больше не повторилось.

Она считает, что решение переехать в Корнуолл – новый старт для нашей семьи. Дедушка рассказывал, что они всегда хотели уехать из Лондона, потому что жили там уже более сорока лет. Последние же девять лет мы жили в Хэмпстеде.

– Каким бы печальным ни был повод для переезда, перемены – всегда к лучшему, – считала бабушка.

Я была рада уехать из Лондона и от Тоби Брауна. Кроме того, мне всегда очень нравилось в Бич-Хауз. У меня была там комнатка, в которой стоял овальный туалетный столик с трюмо, где красовался набор серебряных расчесок, а спала я под синим лоскутным

одеялом. Обожаю засыпать в своей огромной кровати и просыпаться под шум волн. Первое, что я обычно делаю по утрам, – смотрю в окно, чтобы понять, достаточно ли на улице солнца, потому что солнечная погода предвещает целый день на пляже. А если на улице дождь, то мы остаемся дома, играем в настольные игры и Лукас закатывает истерику, если я начинаю с ним драться.

Единственное, что мы с Лукасом можем делать вместе часами, не переругиваясь, – это ловить рыбу. Дедушка иногда берет нас с собой, когда уезжает рыбачить на своей маленькой лодке, и тогда мы ловим макрель. Еще мы вместе гуляем по побережью с ведрами и сетками в поисках морских обитателей, которые остаются в бассейнах после отлива, – крабов, всевозможных видов креветок и морских водорослей. Обычно все заканчивается дракой и закидыванием друг друга мокрой морской травой. Мой брат может быть нормальным, если захочет.

Проходит несколько часов, прежде чем мы наконец поворачиваем направо и едем по узкой извилистой дороге, обочья которой растут камелии. Дом, где мы живем, – у самого основания крутого холма, через темно-зеленые деревянные ворота. Мое сердце начинает учащенно биться, когда я вижу море, словно большое голубое одеяло, уходящее за горизонт. Странно больше не видеть прадедушку Мика, стоя за дверью, который машет нам, словно священник, крестящий паству, а затем устремляется к машине. После каждых каникул было очень тяжело уезжать, зная, что ему придется остаться тут в одиночестве. Дедушка говорил, что у него самый упрямый отец в мире – он никак не хотел переехать в дом престарелых, даже когда уже больше не мог сам себя обслуживать. Он хотел закончить свою жизнь в окружении воспоминаний о том, где он провел столько счастливых лет.

На следующий день, когда сотрудники службы грузоперевозок уже уехали, а мы еще не распаковали даже половины коробок, бабушка предлагает устроить пикник на пляже.

Как я люблю запах моря, крики чаек и вид лодок, выплывающих из бухты и возвращающихся в нее. Я бегу по лужайке перед домом, слезаю с крутых ступеней, распахиваю ворота и лечу по тропинке, заросшей лесом.

– Не так быстро! – слышу я, как кричит бабушка. – У тебя шнурки развязались!

Я смеюсь. Бабушка всегда поднимает шум по пустякам.

И вдруг я начинаю орать не своим голосом.

– Она была воот такая длинная! – показываю я руками. – И бросилась прямо на меня.

Смотрю в траву. Мельком вижу чешуйки, темные полосы и бусинки глаз.

– Да, – скрещивает руки Лукас. – В любом случае, даже если это и змея, то, скорее всего, простой уж. А они не ядовитые.

– Завяжи шнурки, – командует бабуля. – И больше не надо истерик.

Она протягивает руку, и на этот раз я хватаюсь за нее.

Пляж небольшой. Народу сегодня мало. Бабушка расстилает коврик, а дедуля не хочет садиться.

– Забава наша кончена. Актеры... – говорит он с закрытыми глазами, как будто стоит на сцене.

– О... Опять началось, – закатывает глаза бабуля.

Дедушка любит играть. Он директор театра и долгое время руководил одним из местных театров в Хэмпстеде – мимо него не прошел ни один спектакль, ни одна пьеса. Дедуля стал

директором своего первого театра на западе Лондона в возрасте всего двадцати шести лет и вспоминает, что это был счастливый год – тогда же он познакомился с бабулей. Он рассказывал нам с Лукасом, что на тот спектакль «Укрощение строптивой» бабушку привела сама судьба. Ее лучшая подруга играла там главную роль.

– Ты должна познакомиться с Тимом, – сказала она бабуле в примерке в тот же вечер после спектакля. – Он такой красивый...

Бабушка качает головой, потому что про «красивый» ничего не помнит.

– И тут я увидел ее, в длинном черном платье, с такими же прекрасными каштановыми волосами, как у тебя, Дженьюэри. И мы стали встречаться. Если бы я ее никуда не пригласил, кто-нибудь другой отбил бы ее у меня. Так что запомни мой совет, Лукас.

– Я не люблю девушек, – сказал брат, глядя на меня.

– Мы поженились через полгода. Бабушке было двадцать один.

Я думаю, что дедуля будет скучать по своей работе в Лондоне, но он не собирается выходить на пенсию. Он будет работать из дома – придумывать истории и подавать идеи для театральных компаний. Ему нужно время, чтобы написать собственную пьесу, а еще можно посмотреть, не нужен ли в какой-нибудь из местных школ «старый добрый преподаватель актерского мастерства».

Я помню, как дедуля, приходя домой, рассказывал нам, какие актеры потрясающие существа, уязвимые и великолепные одновременно. Иногда Лукас и я подражали ему, сидя на кухне. Лукас брал тетрадь по математике и представлял себе, что это на самом деле дедушкина пьеса.

– Дорогая! – ахала я, размахивая тетрадью в воздухе. – *Это просто чудесно. Нам это так нужно!*

Или же я садилась, скрестив ноги, вздыхала и возвращала тетрадь брату со словами:

– *Это звучит просто ужасно!*

И мы все смеялись, особенно дедушка, который находил все это очень близким к реальности.

Бабуля разворачивает бутерброды.

– Лукас, яйца или сыр?

– Я не буду.

Я чувствовала, что Лукас частично винил в переезде и меня тоже; он знал – надо мной издевались в школе, тогда как его любили. Почему же тогда именно ему пришлось уехать от своих друзей? Я замечаю, что бабушка сетует дедушке – Лукас почти не разговаривает с тех пор, как мы приехали. И вообще ходит как в воду опущенный. Бабуля смотрит на море, обхватив себя за талию.

– Даже зимой Мик приходил сюда, на пляж, в своих старых синих плавках и купался перед завтраком. По-моему, прохладно, а ты как думаешь, Лукас?

– Подумаешь, – отвечает дедуля, и мне становится смешно.

– Говори, что хочешь. Ты-то вообще никогда не плаваешь.

– Плаваю.

– С каких это пор? Докажи, – раззадоривает бабуля. Лукас наконец поднимает голову, хотя по-прежнему делает вид, что ему совсем не интересно.

– Какие ставки? – разминает дедушка мышцы.

– Если сможешь войти в воду, куплю тебе на ужин лобстера.

Дедушка скидывает с себя темно-синий джемпер (он всегда носит свитера, даже летом),

сбрасывает обувь и стягивает брюки. Мне кажутся весьма забавными его тощие белые ноги.

Пока он бежит к морю в просторных трусах, бабушка и я хлопаем в ладоши. Несколько других семей останавливаются – смотрят и улюлюкают. Далее слышится «бултых!» и сразу же стон – вода, видимо, холодная.

– Вы должны оставаться в воде не меньше трех минут! – кричит бабуля.

Мы с ней обмениваемся улыбками, когда слышим смех Лукаса. Дедушка орет:

– Черт! Тут так холодно! Сколько еще мне тут сидеть?

– Наверное, мы просто чокнутые стариканы, да? – слышу я дедушкин голос. Я за дверью гостиной, а в руке у меня стакан молока. Уже поздно, но я не могу уснуть.

– Не чокнутые и не то чтобы совсем уж стариканы. Мне, например, всего лишь немножко за пятьдесят.

Дедушка смеется.

– Это ненадолго!

Бабушке пятьдесят девять.

– В этом доме так много всего нужно сделать, – вздыхает дедушка.

– Все будет хорошо, – отвечает бабушка. – Мик оставил нам кое-какие деньги, и если будет совсем туго, можно не все комнаты отапливать и есть печеные бобы на куске хлеба.

Повисает длинная пауза.

– Мы сделали правильный выбор, – продолжает бабуля. – Я знаю, трудно уехать из Лондона, но что бы сказал твой папа, если бы мы продали этот дом и кто-то превратил бы его в очередной отель? Здесь ведь жили несколько поколений твоей семьи. И я по-прежнему думаю, что...

– Что? – спрашивает дедушка.

– Что Элли была бы с этим согласна.

Это моя мама, Элеонора, для краткости – Элли. Я видела ее фотографии. Она была красивой. На снимках ее роскошные каштановые волосы были повязаны легкой косынкой, а полные губы накрашены ярко-красной помадой. Бабушка рассказывала, что мама любила красить волосы. Однажды даже покрасилась в розово-голубой. У нее была татушка в виде сердечка на лодыжке, и уже в двадцать лет мама курила и могла хорошенько выпить.

– Она была та еще штучка, и твой отец был сражен, – добавляла бабуля.

Если я спрашивала, почему папины родители не хотят с нами видиться, она обычно увивала:

– Ты слишком молодая, чтобы понять. Да и потом, от этого хуже только им.

Но теперь мы с Лукасом понимаем. На свой последний день рождения Лукас закатил скандал: он узнал, что дедушка одного из его друзей кладет в его поздравительные открытки ко дню рождения десятифунтовые банкноты.

– Почему другие дедушка с бабушкой нам ничего не дарят? – спросил он.

– Проблема в том, что родители твоего отца не дали согласия на его свадьбу, – ответила бабуля, обменявшись с дедушкой взглядом, словно хотела убедиться, что мы готовы узнать правду.

– Они пригрозили, что, если он женится на маме, они его проклянут.

И прокляли. Просто взяли и вычеркнули его из своей жизни. Все мои бабушки и дедушки встретились лишь однажды – на похоронах мамы и папы. Бабуля рассказывала, что встреча была ужасной во всех отношениях. Слишком поздно было каяться.

– Элли любила приезжать сюда на летние каникулы, – говорит бабушка. – Я знаю, она не

хотела бы, чтобы Джен оставалась в той школе. Клянусь, если хоть кто-то на нее здесь руку поднимет, я позвоню в полицию...

– В местной школе вроде как не терпят рукоприкладства, – говорит дедуля.

– Слышали, знаем. Учителям бы следовало разобраться, почему этот Тоби Браун такой задира, и перевоспитать его. Вряд ли дело здесь только в том, что она не такая, как остальные дети. Я не единственная бабушка, воспитывающая внучку. Тем более что с Лукасом, тьфу-тьфу, все хорошо.

– Он из другого теста, – возражает дедушка.

– Еще бы. Когда я смотрю его дневник, мне вообще кажется, что это не про моего внука: учителя пишут в отчете по успеваемости, что он удивительно вежливый и трудоспособный. Конечно, мне приятно, но...

– Он очень умный и способный.

Лукас отличник по большинству предметов, а по математике у него и вовсе лучший результат.

– Наверное, свое плохое настроение он предпочитает приносить домой...

– С Лукасом все в порядке, но если кто-то вздумает обидеть Джен, я их поколочу. Переведем ее на домашнее обучение, если понадобится, – говорит дедушка.

Бабуля смеется.

– Буду ходить в камзоле, а ты обращайся ко мне «сэр», – подмигивает дедушка.

– Конечно, Джен не такая упрямая, как Элли, но иногда, когда я смотрю на нее, я вижу свою маленькую девочку... – говорит бабушка.

– Иди сюда.

– Тимоги, я тут подумала.

– Ага.

– Может, нам стоит начать ходить в спортзал?

Дедушка начинает отчаянно хохотать. Его экзерсисы ограничиваются перелистыванием страниц и вставанием с дивана.

– Дети – это все, что у нас есть, и нам нужно быть в форме. Так что давай договоримся – как только возникают какие-то проблемы, сразу же пойдем к врачу. Ладно? – говорит бабушка.

– Ладно, – соглашается дедушка.

Наконец я открываю дверь и вижу, как они сидят на диване, обнявшись. Бабушка приподнимается с места:

– Я думала, ты пошла спать, милая.

Рукавом кофты она незаметно протирает глаза.

Они освобождают для меня место, и я забираюсь между ними. Бабуля продолжает:

– А я как раз говорила дедушке, как мы все будем тут счастливы.

У нее снова появляется этот непринужденный тон.

– Бабушка, а что будет, если вы с дедулей умрете? Кто будет тогда присматривать за нами с Лукасом? – спрашиваю я.

Они обмениваются взглядами.

– Мы еще проживем долго, даже успеем вам надоесть, – говорит дедушка.

– И все-таки? – не отстаю я.

– Ничего, – отвечает бабуля и гладит меня по волосам, как всегда, с самого моего детства. – Хочешь, расскажу тебе кое-что, Дженьюэри? Когда ты родилась, я держала тебя на

руках двадцать минут. До сих пор помню лицо твоей матери – измученной, но такой счастливой. «Смотри, мама, у меня дочка, маленькая доченька», – сказала она, поправляя свой цветастый халат, а потом спросила, не хочу ли я взять тебя на руки. Я, конечно, дожидаться не могла.

Бабуля легонько подталкивает меня.

– И тогда я представилась. Просто сказала: «Привет» – тогда мы еще не успели придумать тебе имя. И добавила: «Я твоя бабушка, и я всегда буду рядом».

Дедуля и бабуля советуют мне лечь в постель и помолиться на ночь, чтобы завтра был солнечный, ясный день.

– Спи спокойно, мой ангел. Утро вечера мудренее, – обещает бабуля.

Я выхожу из комнаты, я слышу шаги и замечаю спину Лукаса, который несется по коридору. И убегает к себе. Может быть, он тоже не мог уснуть? Что же он успел услышать? Почему он не пришел к нам? Иногда я хочу понимать, что творится у моего брата в голове.

2014 год

Громко и противно звонит будильник. Спад запрыгивает на кровать, приземлившись мне прямо на голову, а потом снова начинает прыгать по комнате. Я еле-еле продираю глаза. Вчера была вечеринка по случаю ухода Джереми на пенсию, и я медленно начинаю понимать, почему мне настолько плохо. Прямо хоть оставайся дома и пролежи весь день в кровати. Нет уж, бабуля, вовсе утро вечера не мудренее. Оно такое же. Или даже хуже.

Я иду в комнату Айлы, готовая натянуть на себя знакомую маску «пора вставать!», поражаясь по пути, как бабуле с дедулей удавалось сохранять такой цветущий вид, хотя они пережили вещи и похуже, чем то унижение, которое случилось со мной вчера вечером.

– Тянемся еще раз, – говорю я дочери. Мы уже позавтракали. Айла в своей комнате, лежит на мате. На стене позади ее кровати нарисованы звезды; в углу стоит ее письменный стол, заваленный всякими рисунками, раскрытыми книгами. На самом видном месте – великолепный розовый магнитофон, громко поющий «Last Friday Night» голосом певицы Кэти Перри.

Айла извивается и не дает мне схватить свою ногу.

– Не хочу больше! Зачем это делать *все* время? – упирается она.

– Ты все сама прекрасно знаешь.

Мышцы Айлы деревенеют, если не делать гимнастику по утрам. Я держу одной рукой ее правую ногу, а другую руку кладу на колено, понимая, почему физиотерапевтов часто недолюбливают так же, как агентов по недвижимости. Айле одиннадцать, и она до сих пор как пушинка, ее ноги болезненно худые. Только теперь она выше. Айла морщится, когда я растягиваю ее вторую ногу.

– Еще раз, – говорю я.

– Где-то я это уже слышала, – отвечает она.

Я пропускаю ее слова мимо ушей и продолжаю:

– А теперь перевернись на бок, колени вместе.

Жду, пока она перевернется.

– Если не будешь делать гимнастику, всю жизнь буду кормить тебя одним горохом.

Мы смеемся, поем вместе с Кэти Перри, и на мгновение я даже забываю, что мне нужно будет сегодня снова увидаться с Уордом.

– Здравствуйте, вы позвонили в «Шервудс»! Меня зовут Надин. Чем я могу помочь? – пропевает Надин в телефонную трубку, когда мы со Спадом проходим мимо ее стола. Мое сердце бешено колотится – я слышу голос Уорда со второго этажа. Увидев, что он идет по коридору, я впрыгиваю в свой кабинет, споткнувшись о коробку с брошюрами. Прыгаю на одной ноге, отчаянно пытаюсь подавить жуткую боль, хотя ужасно хочется кричать и ругаться. Отпускаю Спада, и тот сразу же несется к Надин и ее баночке с угощением. Если войдет Уорд, нужно делать вид, что очень занята, работаю не покладая рук. «Держись, займись чем-нибудь и сделай вид, что работаешь», – думаю я, разбирая кипу фотографий дома в Саффолке, которые будут опубликованы в следующем месяце в «Кантри Лайф». Компьютер с шумом оживает. Я сажусь, потирая ногу. Тридцать одно новое сообщение, в

основном просьбы предоставить брошюру. Когда я вижу письмо от миссис Хук с приложением, мне становится страшно. Пожалуйста, пусть это будет не очередная заметка о ее доме. В офис входит Надин, и Спад за ней.

– Люси уже в конференц-зале. Уорд хочет тебя видеть. Слишком ты быстро вчера ушла, – говорит Надин.

– Айла, – бормочу я, почесывая голову.

– Этот Уорд – забавный типчик, – шепчет Надин. – Прямо в стиле Хитклиффа.

Я беру блокнот и опускаю взгляд на Спада, вспоминая старые добрые времена.

– Ни одна другая собака не улыбается, как наш маленький Спад, – имел обыкновение говорить Джереми, сажая Спада себе на колени и угощая его всякими вкусностями.

– Как ты думаешь, взять мне его с собой? – спрашиваю я Надин.

Зал заседаний находится рядом с бывшим офисом Джереми, теперь уже офисом Уорда. Стол здесь огромный – на восьмерых, на стенах – принты из архитектурного «дайджеста», в противоположном конце зала – телевизор, над ним – компьютерный монитор для ежедневных совещаний онлайн. Я сажусь рядом с Люси, вторым ассистентом Джереми. Мы с ней прекрасно ладим, еще с самого моего собеседования. Она трудолюбивая и хохотушка, и я получаю удовольствие от ее отношений с Грэмом. Уорд еще разговаривает по телефону. Люси шепчет:

– Это его жена. Представляешь, она считает, что он вчера слишком поздно вернулся. Спенсер говорит...

– Да не слушай ты этого Спенсера, – обрываю я ее и тут же спохватываюсь:

– Что?

– Похоже, у них с женой не самые шикарные отношения.

Люси слегка за тридцать, она стройная, с длинными светлыми волосами, которые носит либо распущенными, либо в хвосте. Она курит как паровоз, пьет кофе, словно воду, и вечно в ожидании, когда же ее долгосрочный бойфренд, программист по имени Джим, предложит ей наконец руку и сердце. Каждый раз, когда они куда-то уезжают на выходные или в отпуск, мы, затаив дыхание, ждем важного известия, но когда Люси приходит в офис, она всегда идет напрямик к своему столу, избегая с нами контакта, и мы знаем, что вопросы излишни. Сначала она работала в сфере финансов, но ненавидела все, что связано с денежными потоками и финансовыми отчетами, к тому же перспектива просидеть полжизни в офисе ее тоже не радовала, так что она скрепя сердце пошла по стопам своих родителей – те оба работали в сфере недвижимости.

– Дома слово «обмен» вызывало приступ истерики или острую головную боль, а потом следовали душераздирающие разговоры с посредниками. Я поклялась, что никогда не возьмусь за такую работу, – поведала она мне как-то раз. – Вроде бы получилось. А твои родители?

Каждый день кто-нибудь невольно напоминает мне о моем детстве, берedit рану на том месте, где должны быть родительская любовь и забота.

– Потрясающую речь ты вчера толкнула, Дженьюэри! – говорит Люси и поглаживает Спада под столом. – А я и забыла про бутерброды с собачьим мясом. Забавно.

Вокруг с подносом кофе и пачкой шоколадного печенья суетится Надин, все время добавляя, что скоро будут готовы еще и бутерброды с ветчиной. Пожалуй, бутерброд с ветчиной – единственный приятный момент утреннего совещания, но из-за него мои брюки

скоро мне станут малы окончательно.

– Верно, – говорит Уорд, войдя в комнату и сев во главе стола. На нем костюм, бледно-голубая рубашка, галстук в полоску и очки с темной оправой.

– А где... – он смотрит на пустой стул, – Грэм?

Грэм – третий ассистент Джереми. Он просто забалтывает богатых клиентов, и именно благодаря ему мы еще хоть как-то держимся на плаву.

– О, вы же знаете Грэма! – щебечет Надин. – Мы обычно не проводим собраний по четвергам, так что он вообще может быть не...

– Все должны приходиться вовремя, есть встреча или нет.

Спад громко гавкает, и Уорд подпрыгивает от неожиданности.

– Ну, тогда начнем без него, – говорит он.

Спад снова лает, виляя хвостом – он ждет от Уорда внимания и, наверное, какого-нибудь лакомства.

– Дженьюэри! Оно может остаться здесь, – произносит Уорд, глядя сквозь меня. – Но вы должны за ним следить.

Я киваю.

Оно? Оно?

Надин разливает кофе и передает всем по чашечке. Если бы тут был Джереми, мы уже поговорили бы о погоде и обсудили свежие серии «Жителей Ист-Энда» или «Правительства».

– Так вот. Хорошо, что мы с вами здесь собрались. – Уорд поправляет галстук.

Тут в комнату влетает Грэм, в руке у него банан, рубашка не до конца заправлена в брюки.

– Простите, милые мои! Сегодня с утра мучился от острой боли в груди и какого-то странного покалывания в правой руке, – причитает он, трясая перед нами своей лапищей, – пришлось погуглить...

Грэм замолкает, почуввав напряженную атмосферу.

Уорд прокашливается.

– Доброе утро, Грэм.

Прежде чем пожать руку Уорду, Грэм с грохотом водворяет на стол свой портфель и банан.

– Доброе утро, босс.

Грэму сорок пять. Он все время ест, но выглядит болезненно тощим. У него светло-каштановые волосы, и непослушная прядь все время сваливается на глаза. Такому человеку, как Грэм, место скорее в художественной мастерской или галерее, чем в зале для совещаний.

– Как я уже говорил, – продолжает Уорд, – Джереми назначил меня на свое место, чтобы «Шервудс» смог снова встать на ноги.

– Наши дела, в общем-то, не так уж и плохи, – хмурится Грэм.

– Посмотрите финансовую отчетность – тогда поймете, что это вам не игры в мячик, – цедит сквозь зубы Уорд.

При слове «мячик» Спад снова гавкает. Я тоскливо смотрю на песика, которого никто не собирается брать на колени. Он как будто спрашивает: «Почему я не на коленях у Джереми и меня не угостили беконом?»

– «Баркер и Гулдинг» и даже «Эндерсонс» опережают нас по всем показателям, – продолжает Уорд.

«Эндерсонс» сопоставимы с нами по масштабам, однако даже у них дела в последнее время обстоят куда лучше, чем у нас.

– Поэтому мы собрались здесь, чтобы изучить нашу стратегию и внести в нее изменения, – говорит Уорд, царапнув меня взглядом.

– Потом я хотел бы кое-что обсудить с некоторыми из вас.

О Боже. Я впериваю взгляд в блокнот, а Уорд что-то вбивает в ноутбук, после чего на экране появляется перечень домов на продажу.

– Начнем с самого начала. Пройдемся по списку домов, которые выставлены на продажу в настоящий момент. Люси, примешь мяч?

Спад снова гавкает, и Уорд снова подпрыгивает от неожиданности. Дался ему этот «мяч»!

– Конечно. Что ж, у нас есть несколько домов в Хэмпшире и один в Миддл-Уоллопе, – сообщает Люси.

– Это там, где пруд с золотыми рыбками! – хохочет Грэм, откинувшись на спинку кресла. И тут же Уорд обжигает его ледяным взглядом. – Простите, Уорд, просто я в него шлепнулся. Конечно, не киношный момент, но хозяйка смеялась до упаду...

Я пыталась научить Грэма правилу НТ. Все попытки были тщетны.

– ...попросила меня все с себя снять, чтобы высушить одежду на плите. Простите, простите, отвлекся, – говорит Грэм, уловив наконец гнев Уорда.

– Еще у нас есть особняк в Браутоне, – продолжает Люси. – Особняк из красного кирпича эпохи короля Георга, идеальный семейный дом. Потенциальные покупатели приезжали смотреть его уже вчера, и на этой неделе запланировано еще шесть визитов.

– Прекрасно, Люси, – кивает Уорд.

Я замечаю, как она покраснела после этих его слов. Входит Надин с блюдом, на котором высится гора бутербродов с ветчиной.

– Давайте уже соберемся, а? – рявкает Уорд. Как я и предполагала, у него еще похмелье со вчерашнего дня.

– Уберите это, – показывает он рукой на блюдо. Грэм разочарованно смотрит, как вожделенные бутерброды уплывают из зала.

– Если у вас острые боли в груди, Грэм, возможно, вам следует начать обращать внимание на содержание холестерина, – добавляет Уорд: – Что еще, Люси?

– Позвоню хозяйке завтра.

– Почему не сегодня? – удивляется Уорд.

– Джереми всегда говорил... – начинает Люси и осекается. Судя по всему, она собиралась сказать, что Джереми предпочитал давать своим клиентам время обдумать предложение. – Позвоню сразу после совещания.

Уорд кивает.

– Спросите, что она думает, расскажите, что ее домом все заинтересовались. Так. Что еще?

Люси и Грэм по очереди описывают те дома, которые мы сейчас выставили на продажу, и рассказывают о визитах, затем начинают обсуждать ценовую политику.

– Вы провели опрос? – спрашивает Уорд Грэма.

– Да. Будем надеяться, там нет таких слов, как *загадочный*...

– Давайте вообще не будем загадывать, – Уорд пытается улыбнуться, но получается больше похоже на угрожающую гримасу.

– Дальше! – продолжает он, как будто пиная уставшую лошадь.

Под конец совещания я уже хочу сбежать отсюда. Отправлять брошюры, да хоть бы и заметки шерстить – все лучше, чем остаться наедине с Уордом.

– Постойте, – окликает он нас с Люси и Грэмом на выходе. Грэм, кажется, решительно настроен все ж таки отхватить себе бутерброд.

– А теперь я с каждым из вас хотел бы поболтать минут пятнадцать, чтобы вы могли познакомиться со мной, а я с вами, хотя у некоторых, – Уорд глядит на меня, – есть преимущество.

Усаживаясь напротив него, я успеваю заметить за его спиной фотографию Марины в рамке на книжной полке. Прокашливаюсь. В горле отчего-то першит.

– Уорд, насчет вчерашнего...

Он наливает по стакану воды – мне и себе.

– Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно.

Спад подпрыгивает, чуя, что я в беде. Я отталкиваю его в страхе.

– Эмм... Я хотела бы извиниться за то, что...

– Назвали меня омерзительным? – Он что, улыбается?

– Мне не стоило разговаривать так с вашей женой, но я просто не знала, кто она, и не то чтобы я оправдываюсь, но я просто очень нервничала, а когда я нервничаю, я становлюсь такой дурой...

– Сплетни меня не интересуют, Дженьюэри, и вас тоже не должны.

– Нет, что вы, меня не...

– Мне о вас, кстати, тоже много чего понарасказывали, но я предпочитаю составлять мнение о каждом сотруднике на основе своего личного опыта.

Я смотрю на него, и мне по-прежнему отчаянно стыдно.

– Да, я могу быть жестким, – пожимает плечами Уорд. – В нашем бизнесе не место таким мягкотелым...

Я чувствую, что он хочет добавить «...как Джереми».

– Но я буду рад забыть об этом инциденте, а вы?

Я киваю. Меня остро пронзает желание, чтобы напротив сидел сейчас Джереми – и говорил бы со мной о собаках или о мюсли с орешками...

– На следующей неделе я собираюсь в командировку в пару других наших офисов, – сообщает тем временем Уорд. – Так что постарайтесь разобраться здесь кое с чем заранее.

«Шервудс» продает дома в радиусе от семидесяти пяти до ста миль от Лондона, но к нам часто поступают заказы и на более удаленные от столицы дома.

– Я хотел бы посетить Мальборо, Принсес Рисборо... – говорит Уорд. Услышав это название, я вспоминаю свое собеседование с Джереми, и это заставляет меня заскучать о нем еще сильнее. Я просматриваю список различных отделений и партнеров, с кем хочет встретиться Уорд.

– Полагаю, в отеле вы останавливаться не планируете, – уточняю я.

– Нет необходимости.

Он снимает очки, протирает глаза.

– Джереми упомянул, что у вас есть дочь. Сколько ей лет?

– Одиннадцать, – отвечаю я, озадаченная сменой темы.

– Еще не наступила та фаза, когда хлопают дверью и кричат «Ты мне всю жизнь сломала»?

– Все впереди, наверное. А у вас есть дети?

Я снова смотрю на фото его жены.

– Когда-нибудь будут, надеюсь. Джереми также упомянул...

Его телефон вибрирует. Он смотрит на экран и вздыхает.

– Спасибо, Дженьюэри, – говорит он, как будто уже все, хотя пятнадцати минут еще не прошло. – Закройте за собой дверь, пожалуйста.

Я уйду странно разочарованной, но слышу позади какой-то странный капающий звук. Обернувшись, я вижу, как Спад закинул ногу на угол стола Уорда.

Еле-еле отчистив ковер в кабинете Уорда раствором с содой – и все это еще более унижительно, – я возвращаюсь на свое рабочее место и начинаю налаживать его график. По крайней мере, между нами не осталось никаких недомолвок. Я снова смотрю на Спада и вижу физиономию Уорда – тот понял, что происходит, заметив на ковре золотую лужу, и выражение лица у него соответствующее.

Рядом со мной, хрустнув коленями, присел Грэм.

– Артрит, – прокомментировал он костяной хруст. – В общем, Уорд хочет значительных перемен. Всю башку продолбил мне – можешь, говорит, делать все что угодно, но только не смей опаздывать на совещания. А тебе что сказал?

Я рассказываю, что Уорд планирует посетить несколько наших офисов на следующей неделе.

– Отлично, хоть пару дней его не увидим, – Грэм делает глубокий вдох. – Я минуту назад говорил со своим терапевтом, рассказал ему про свои боли в груди.

– Ох... – тяну я.

– Знаешь, что он мне сказал? Он сказал: «Грэм, ты хотя бы живой. Сходи на кладбище, и почувствуешь себя намного лучше!» Это не смешно, Джен!

– Тсс! – шикает на нас Люси. Она до сих пор разговаривает по телефону с женщиной, которая вчера приезжала посмотреть дом в Браутоне.

– Какой кошмар, – говорит она. – Нет, *конечно*, я понимаю.

Она прощается и вешает трубку.

– И? – спрашивает Грэм. В этот же момент мы слышим приближающиеся шаги. Я быстро привязываю поводок Спада к ножке стула.

– Уорд, – говорит Люси, – только что звонили по поводу...

– ...дома в Браутоне. И?

– Хозяйка только что из больницы. Сначала ее муж в саду зацепился за поливальный шланг и упал. Она пыталась помочь ему встать, но упала сама и сломала себе все пальцы.

Грэм фыркает, когда Люси сгибает свои пальцы назад под углом в девяносто градусов.

– Прибежала их дочь, увидела мамины пальцы и бухнулась в обморок, – продолжает Люси, – и, если вы можете в это поверить, прямо головой о камин. Камин мраморный...

Глаза Уорда тускнеют:

– Продажа, само собой, повисла в воздухе?

Неловкая пауза.

– Разумеется, – отвечает Люси.

Он выходит из офиса, сказав Надин, что ему срочно нужно отлучиться.

Когда мы слышим, как хлопнула входная дверь, Грэм раздражается смехом. Врывается Надин, ей интересно, что происходит.

– А что случилось потом? – Грэм поворачивается к Люси.

Люси роняет голову на руки.

– Вы видели лицо Уорда? Он думает, что мы просто сборище неудачников.

Грэм перестает хохотать:

– Послушай, милая, мы же не можем заставить людей влюбиться в те дома, которые мы им показываем. Мы не волшебники. Уорд может думать, что он все знает, но...

– Грэм! – говорит Надин. Все продолжают нервно хохотать. Даже Спад понял шутку, и его маленький носик задран, а пасть растянулась в улыбке.

– ...но, если серьезно, чего-чего, а харизмы ему точно не хватает.

Когда мы с Айлой въезжаем во двор дедулиного дома – мы приехали на выходные поздравить его с днем рождения, – мне хочется, чтобы у ворот стояла бабуля. Я вижу ее рядом с входной дверью, в ее запачканных грязью брюках, с корзинкой в руках, в которой лежат свежесрезанные цветы, морковка и картофельные клубни – Айла обожала бабушкину «картошку в мундире».

А теперь в моем сердце зияющая дыра – бабули нет. Весь первый год без нее у меня было такое чувство, как будто я навечно застряла в пробке на перекрестке. Теперь я понимаю, что горе – это своего рода сумасшествие, почти такое же, как влюбленность. Когда я была влюблена в Дэна, я не замечала вокруг ничего. Когда бабушка умерла, весь этот мир, который по-прежнему жил, показался мне каким-то странным фарсом. Когда умирает кто-то, кого вы любите, звезды и солнце исчезают и нужно много времени, чтобы снова начать видеть свет, выглянуть в окно и увидеть ясное голубое небо.

Бабуля была мне и матерью, и лучшим другом, и первой, кому я звонила, когда хотела услышать знакомый голос. Я вспоминаю все те ситуации, когда просила у нее совета. Я знала: все, что я расскажу бабуле, тут же узнает и дед. Они были как одно целое. Бабуля была моим убежищем; а дедуля просто ее обожал. Когда я рассказала, как поступил со мной Дэн, бабушке стоило немалого труда успокоить деда, тот рвался задать Дэну трепку. Бабуля и дед научили меня, как за себя постоять и не дать в обиду дорогих мне людей.

Я смотрю на крепко спящую Айлу. Мы не спали до поздней ночи – покрывали шоколадный торт для дедули глазурью и болтали, болтали... Как хорошо, что до сих пор Айле удавалось избежать происков всяких там Тоби Браунов, но я беспокоюсь, как бы такой не объявился в той средней школе, куда она должна пойти этой осенью. Когда мы переехали в Корнуолл и я пошла в среднюю школу, бабушка посоветовала мне не рассказывать друзьям о моем прошлом.

– Если они чего-то не знают, то не могут это что-то использовать против тебя, – сказала она. – Все, что нужно, – это найти среди всех этих неандертальцев одного человека, с которым ты сможешь сдружиться.

Она была права. И я нашла Лиззи. Лиззи, со своими длинными курчавыми волосами и проколотым носом, отличалась от всех. Учителя во время семестра все время просили ее вынимать серьгу. Компашки и популярные одноклассницы не имели для нее никакого значения. Кроме того, она была единственным достаточно любопытным человеком, который догадался спросить меня, почему я живу с бабушкой и дедушкой, и я знала, что могу доверить ей свой секрет.

Я еду дальше и улыбаюсь, вспоминая, как бабуля умела шутить. Она всегда следила, чтобы мы с Лукасом мыли за собой посуду.

– Почему это и готовить, и убирать должна я? – восклицала она, гоняясь за нами вокруг стола. Заканчивалась эта игра общим взрывом веселья.

– Дженьюэри, ты должна выйти замуж, чтобы посуду мыл твой муж! – говорила бабуля. Мы вечно донимали бабушку вопросами, где она работала.

– Т-шшш, – отвечала она, прижимая палец к губам.

– Ты была шпионкой? – спросил как-то Лукас, и в его карих глазах сверкнули озорные искорки.

– Не совсем, но я работала в организации, связанной со шпионами.

Я чувствовала, как нетерпение Лукаса растет, словно птица, готовая воспарить в небо. Я же представляла себе бабулю на скамейке в парке, в парике и темных очках, прячущей лицо за газетой.

– Расскажи еще, – настаивал Лукас. Думаю, его внимание так тронуло бабулю, что та не выдержала и рассказала кое-что. Конечно, не в подробностях, но тем не менее. Бабушкина работа была настолько секретной, что перед тем, как выбросить документ в мусорное ведро, его нужно было рвать на кусочки. И как-то раз одна из ее коллег так разозлилась на своего начальника, что вышвырнула из окна мусорное ведро и клочки разлетелись по всей улице. Девушку тут же пришлось уволить.

– Вот на какой сверхсекретной работе я работала, – добавила бабушка.

Мой телефон звонит, и я отрываюсь от горестных раздумий. Это Лукас. Пожалуйста, Господи, хоть бы он звонил сказать, что уже в поезде и скоро к нам присоединится.

– Как дела? – спрашивает он.

– Прекрасно. Не могу долго говорить, я за рулем, – говорю я.

– Понял. Слушай, я только что звонил дедушке...

По его тону я понимаю – он не придет.

– Вот только не надо закатывать истерик, – спешит добавить он.

– Но я даже ничего еще не сказала! – с обидой тяну я.

– И без слов все понятно.

Он прав. Внутренне я уже проклинаяю его последними словами. Когда с нами произошла самая большая беда, какая только может произойти, бабушка с дедушкой нас приютили; они пожертвовали ради нас своим заслуженным пребыванием на пенсии. Только благодаря бабуле и дедуле у Лукаса и у меня есть крыша над головой. Они продали квартиру в северной части Лондона, где жили папа с мамой, и положили деньги в банк, не взяв себе ни пенни. А теперь дедушка остался в этом большом доме один и болтается в нем, словно монета в пустой консервной банке. И наши с братом визиты необходимы ему как глоток жизни. Дедушка хочет видеть свою семью, и Лукас мог бы быть частью этой семьи. Но он отчего-то решает не приезжать уже который год. Хотя все конфликты мы с братом уже пару лет тому назад разрешили, его поведение печалит меня до сих пор. Я знаю, что дедушку он любит, только почти не показывает этого. И Айла своего дядю тоже по-настоящему не знает. Для нее это загадочный тип, который вечно на работе. Почему он предпочитает существовать отдельно от нас?

– У меня не получится передать ему подарок, поэтому не могла бы ты на заправке купить ему конфет или то песочное печенье, которое он любит?

– Прекрасно.

Повисает долгая пауза. Потом Лукас говорит:

– Я бы приехал, Джен, но никак не могу.

Еще одна долгая пауза.

– Дедушка понимает, – добавляет он.

– Прекрасно.

– Если бы он вернулся в Лондон, Джен! Нам всем было бы намного проще.

А потом я слышу женский голос.

– Лукас, дорогуша, – томно и соблазнительно произносит его обладательница. – Вернись, пожалуйста, в постель, мне холодно без тебя.

– Кто это? – спрашиваю я.

– Никто, – отвечает Лукас, понимая, что он попался.

Он шикает на свою мадемуазель и продолжает:

– Ну, хорошо. Это коллега.

Себялюбивый засранец. Я делаю глубокий вдох.

– Дженьюэри.

Я смотрю на Айлу, и мне очень сильно хочется сказать ему все, но при дочери я не могу.

– Знаешь, дедушка не будет с нами вечно... – пытаюсь я пронять его этим доводом.

– Вот только не начинай, – холодно отвечает Лукас. – Вспомни все, что я для тебя сделал.

Как будто я могла забыть.

Я кладу трубку, и мне вдруг хочется опустить стекло и заорать что есть сил, но я подавляю в себе это желание и не даю волю чувствам. Я вспоминаю, как в детстве Лукас не хотел принимать помощь от бабули с дедулей – ненавидел, когда бабушка пыталась застегнуть ему пальто: как же, на улице же не холодно. Не хотел, чтобы дедушка ему читал – книги же такие скучные. Не хотел, чтобы ему подтыкали одеяло – он уже для этого слишком взрослый. В общем, Лукас играл роль сироты... Теперь-то я понимаю, как ему было больно, как он переживал случившееся, как он тосковал по родителям – и от горя спрятался в свой внутренний укромный мир. Но мне так хочется быть к нему хоть чуточку ближе! Лукас – мой единственный брат, и я в нем сильно нуждаюсь.

Когда мы выросли, я стала спрашивать его о маме с папой все чаще. Бабушка с дедушкой никогда не запрещали нам говорить о них. Что помнил Лукас? Он пожимал плечами и отвечал: «Не так уж много». В его глазах отражалась та боль, которую он испытывал; мне хотелось, чтобы он подпустил меня ближе. И лишь однажды, когда у него была страшнейшая простуда, ему было тогда лет четырнадцать, а мне одиннадцать, он подпустил. Он лежал в своей комнате наверху, и бабуля попросила меня проведать его. Я осторожно постучала в дверь и вошла. Лукас был бледным и слабым, у него были опухшие и красные глаза, и он еле-еле приподнялся на подушках. Когда я села на край кровати, к моему удивлению, он не прогнал меня. А лишь сказал хриплым голосом:

– Я помню, Джен, как однажды в детстве, когда я болел, папа подтыкал мне одеяло и показывал звезды на небе.

Всякий раз, когда мне кажется, что я ненавижу своего брата, я вспоминаю тот день, и это заставляет меня снова полюбить его и простить.

Мы со Спадом и Айлой приезжаем к дедушке как раз в тот момент, когда уже готов поздний ланч: домашние хот-доги, которые Айла просто обожает. Во второй половине дня мы отправляемся на пляж. Я подхожу к морю, и шум волн помогает мне выбросить из головы ненужные мысли и перестать думать о Лукасе.

Вечереет. К нам приходит дедушкина подруга, актриса по имени Белла, и мы вместе собираемся праздновать дедушкин день рождения. Белле под семьдесят, живет она в Фоуи, небольшом городке примерно в пяти милях к востоку от Сент-Остелла, где мы с Лукасом ходили в школу. Когда мы впервые посетили Корнуолл, я думала, что Фоуи и Лондон – это две совершенно разные вселенные. Все жители городка необычайно спокойны и добродушны; на улицах можно припарковаться, люди наслаждаются барбекю на пляже, а море яркого голубого цвета.

Белла знала, что дедушка директор хорошего театра, поэтому, когда мы переехали, она предложила ему поставить пьесу, написанную одним из ее многочисленных бывших любовников. Я прямо-таки вижу, как двадцать лет назад она зашла в эту гостиную. Тогда диваны еще не были продавлены, как сейчас, и на рамках фотографий еще не скопилась пыль. Белле тогда было, должно быть, немного за сорок, и она была высокой и статной, а ее иссиня-черные волосы становились еще ярче, когда губы она красила красной помадой. Она оставила сценарий на дедушкином столе; страницы пахли розами. Следующие пару дней мы почти не видели дедулю. Он сидел в кресле, как влитой, а вокруг него, словно конфетти, были разбросаны листы бумаги. С тех пор они с Беллой друзья. Дедушка всегда уважал актеров.

– Самые главные в моей работе – зрители и актеры, – говорил он, – драматург здесь лишний. Если позвать пару актеров и оставить их в одном помещении, они без труда разыграют превосходный спектакль.

Только вот жениться на актрисе? Нет, такого дедуля позволить себе не мог.

Но она дорога ему. И она очень добрая. И она в списке тех его надежных знакомых, кому он звонит, если случается что-нибудь неотложное.

Дедушка открывает конверты с открытками и подарки. Белла хвалит рисунок Айлы: густые белые волосы и брови – дедушка получился ну очень похожим. На его внешность никак не повлияли ни годы, ни горе от потери бабули. Он по-прежнему красив, его острый взгляд все еще полон любопытства. Белла трясется от смеха, читая подпись:

– Дедушка, это позор! В восемьдесят шесть пора быть в инвалидном кресле, а ты все никак не унимаешься!

Ниже фото пустого инвалидного кресла.

Когда дедушка заканчивает разворачивать подарки, я вспоминаю, что вообще-то есть еще один, но мне как-то не очень хочется его дарить.

– От Лукаса, – тем не менее говорю я, неохотно протягивая дедушке коробку конфет.

– «Бендикс». Мои любимые, – говорит дедуля, не в силах скрыть печаль в голосе. – Какая жалость, что он не смог приехать... Я понимаю, работа... Вы, молодые, пашете, должно быть, как лошади.

– Это не основной подарок, – пытаюсь я успокоить дедулю, глядя его по колену.

– Нет. Вот основной! – слышим мы голос Лукаса. Он стоит в дверях, держа в руках

маленький коричневый сверток.

Я не могу поверить. Он здесь?! Вот и дедушка не может скрыть удивления. Он встает и широко-широко раскрывает объятия:

– Как я рад тебя видеть, дорогой Лукас!

– Ну не мог же я, в самом-то деле, снова пропустить твой день рождения! – говорит он и пристально глядит на меня. – Меня бы не простили.

После ужина дедушка разводит в камине огонь, и мы усаживаемся на диване в гостиной. Айла уже в пижаме и обещает, что через пару минут ляжет спать. По случаю дня рождения дедули я позволила ей не ложиться дольше обычного еще и потому, что она помогает деду настроить подаренный ему Лукасом айпад. Или, точнее, «Мою новую игрушку», как он его назвал. Лукас вынимает с книжной полки один из наших старых семейных фотоальбомов.

Я заглядываю в альбом и вижу газетную статью с выцветшей фотографией наших мамы и папы, датированную 1979 годом – годом моего рождения. На фото, пухленькая и улыбающаяся, я сижу у мамы на коленях, а рядом с нами стоит папа в рубашке и галстук, и на лице его искренняя гордость. С его светло-каштановыми волосами, широкими плечами и спортивным телосложением папа очень похож на Лукаса. Я помню дедушкины рассказы о том, что папа очень много занимался спортом – у него был пунктик насчет мускулатуры и он обожал ездить на велосипеде и бегать по утрам.

– В отличие от меня, – каждый раз смеялся дедуля.

На полу в комбинезоне сидит Лукас, его голова лежит у мамы на коленях. На маме платье с высоким воротом и сапоги до колен.

Заголовок гласит:

ПЛОХИЕ ПОГОДНЫЕ УСЛОВИЯ СТАЛИ ПРИЧИНОЙ ЖУТКОЙ ГИБЕЛИ РОДИТЕЛЕЙ ЭТИХ ДВУХ МАЛЮТОК...

В первый день Нового года в автокатастрофе трагически погибла молодая пара. Автомобиль, в котором доктор Майкл Уайлд и его жена Элеонора возвращались из Глостершира в Лондон, разбился из-за наледи на дорожном покрытии... У супругов остался четырехлетний сын Лукас и дочь грудного возраста по имени Дженьюэри...

Я сажусь рядом с Лукасом, но по выражению его лица ничего не понятно.

– Им не было больно, – сказала мне бабушка, когда мне было пять лет, а Лукасу восемь.

Лукас переминался с ноги на ногу, опустив голову.

– Люди умирают все время, Дженьюэри, – сказал он мрачно.

– Лукас, – дотронулся до его руки дедушка, пытаясь успокоить его.

– Где они сейчас? – спросила я, запутавшись окончательно. Куда делись мои родители?

Они на небе? В облаках?

– Ну... – Бабушка посмотрела на дедушку.

– Когда люди умирают, они попадают на небо, – сказал дедушка. – Небо – это хорошее место, где вашим родителям живетсЯ счастливо и спокойно.

Бабушка тоже попыталась успокоить Лукаса, но он оттолкнул ее и закричал:

– Ненавижу небо!

Он выхватил из моих рук игрушечного кролика и бросил его через всю комнату.

Испугавшись, я прижалась к бабуле. Она обняла меня. Дедуля бросился за Лукасом, и я услышала, как он сказал: «Иди сюда, Лукас, пожалуйста, иди ко мне». Я слышала, как Лукас плакал, а дедушка все приговаривал:

– Ничего, ничего.

Я вытираю слезы, и мы продолжаем смотреть альбомы, полные черно-белых фотографий бабули и деда, когда они были моложе – с маленькой и взрослой мамой. Мне грустно видеть эти снимки, но их просто необходимо пересматривать время от времени, особенно в день рождения мамы. Я не хочу забывать их лица. Я вижу свою маму в себе. У меня те же высокие скулы, густые каштанового цвета волосы, полные губы и веснушки на переносице. У папы мои зеленые глаза, с оттенком серого. Он серьезнее Лукаса, но, когда улыбался, мир улыбался ему в ответ.

В альбоме мне попадается телеграмма, адресованная Элеоноре Барри, моей маме: «Возвращайся скорее, мамочка».

На глазах выступают слезы.

– Ах, она отправилась тогда в Нью-Йорк, – говорит дедушка, глядя на следующее фото в альбоме, где мама и папа сидят вплотную друг к другу на скамейке в парке, а мамины длинные волосы развеивает ветер.

Дедушка смотрит на Айлу поверх очков.

– Знаешь историю о том, как твои дедушка и бабушка встретились?

– Расскажи еще раз, – говорит она.

Я тоже слышала эту историю много раз, но она по-прежнему одна из моих любимых. Дедушка вспоминает, как моя мать вернулась с горнолыжного курорта в Стоу, штат Вермонт, где работала официанткой. Ей так сильно не нравилось в Великобритании, что она тут же села на первый же самолет, который летел в Америку. В Нью-Йорке у нее была старая школьная подруга, у которой можно было поселиться.

– Элли работала в каком-то доме моды. Ее босс была миниатюрная женщина – она пошатывалась на каблуках, и все ее многочисленные браслеты звенели при каждом ее шаге. Она всегда говорила, что ей нечем заняться, кроме как написать какое-нибудь тухлое письмо. Во всяком случае, в один прекрасный день она решила сбежать и переехала поближе к Сохо.

– Что такое Сохо? – спрашивает Айла.

– Очень интересный район Лондона, – говорит ей Лукас. – С художественными галереями и кафе.

– Так вот, она сидела в кафе и читала, и тут в кафе вошла ее начальница, миссис Бэнгл Джэнглз.

Не в силах сдержать смех, Айла прыскает. Даже Лукас улыбается.

– Элли вцепилась в мужчину, сидевшего рядом с ней.

Дедушка хватается меня за руку.

– И уткнулась головой в его газету, пробормотав: «Вытащите меня отсюда».

Теперь уже смеемся мы все, в основном над дедушкиными актерскими способностями.

А тот продолжает рассказывать, как папа прикрыл маму своим пальто, она пригнула голову, и они поспешили к выходу. На улице мама увидела, какой папа красивый, что ее очень обрадовало, и она с облегчением рассмеялась. Все утро они провели вместе. Она узнала, что ее нового знакомого зовут Майкл. Он учился на врача, а в кафе оказался, потому что решил отдохнуть от походов по магазинам со своей тогдашней подружкой-юристом.

– Боюсь, что с подружкой он расстался в тот же день. Когда Майкл вернулся домой, он нашел Элли, и с тех пор они не расставались. Они очень, очень любили друг друга.

– А вы, дядя Лукас, собираетесь жениться? – вдруг спрашивает его Айла, дослушав историю о знакомстве бабушки с дедушкой.

– Эмм... Не в ближайшее время.

– Почему нет? Я могу быть подружкой невесты!

– Это очень долгая история, – говорит Лукас, явно не горя желанием говорить на эту тему. Он не умеет привязываться к людям. Я не думаю, что он когда-нибудь вообще влюблялся. Конечно, у него были романы, один из которых даже затянулся на полгода, но не было никого, кому бы Лукас был готов подарить даже самую маленькую частичку своей души. Придется очень поработать, чтобы заставить такого, как Лукас, полюбить. И я сразу же вспоминаю про Дэна. Была ли я и правда в него влюблена? Думаю, что в то время да. Я не жалею, что встретила его, да и как я могу, когда он подарил мне Айлу? Любовь – это не только розы. Иногда за нее нужно расплачиваться. Мой папа, конечно, тогда и представить себе не мог, что его решение жениться на маме будет стоить ему родителей. Какими жестокими оказались его отец и мать, решив, что мама слишком ветреная, слишком легкомысленная для него, в отличие от его подружки-адвокатессы с перспективой карьерного роста. Они потратили столько времени впустую, так и не поняв своей глупости, пока не стало слишком поздно.

Я снова бросаю взгляд на альбом и задерживаю его на фотографии мамы с Лукасом на руках, завернутым в бледно-голубую пленку.

«Наш мальчик», – подписала мама этот снимок.

Я вижу, что Лукас дотрагивается до фотографии и тут же отдергивает руку.

– Как так может быть, что я, трясущийся старик восьмидесяти шести лет, еще здесь, а ее нет... – говорит дедушка, глядя на нас с Лукасом. – Видимо, нельзя выбрать старость, потому что это честь, которая выбирает тебя сама.

– Давайте сменим тему, – предлагает Лукас, захлопывая альбом, как бы давая нам этим понять, что хватит на сегодня ворошить прошлое.

– Да! – хлопает в ладоши Айла. – Шоколадный торт!

И вот Айла гордо выносит торт, который они с Руки испекли ко дню рождения деда. Рядом крадется Спад, принюхиваясь, в надежде, что девочка упадет, как это, к счастью для него, случается довольно часто. Но не в этот раз – торт добирается до дедушки без происшествий.

Дедуля аплодирует, а мы запеваем «С Днем Рождения». Айла фотографирует.

Прожевав очередной кусок торта, Лукас спрашивает:

– Ну что, Джен, как твой новый начальник?

Дедушка неудержимо хохочет – я рассказываю обо всех своих бедствиях, увенчав эту сагу восхитительным эпизодом, как Спад помочился на стол Уорда. И на этом месте смеемся мы все, а дед добавляет, что неплохая бы вышла из всего этого вороха злослучений комедия. Хорошо, что Уорд нас сейчас не слышит.

– Все-таки ты приехал, – говорю я Лукасу, когда все расходятся по своим комнатам.

– Ты была права, – отвечает он.

– Что ты сказал? Я была права?

– Не заставляй меня повторять это, Джен, – почти улыбается Лукас в ответ.

– Ты не говорил, что у тебя есть подружка, – добавляю я.

– А у меня и нет подружки. Я буду спать в своей старой комнате? – спрашивает он. Ясно, что он не хочет вдаваться в подробности своей личной жизни.

Я киваю.

– Что ж, спокойной ночи.

Он целует меня в щеку.

– Это так много значит для деда, – говорю я, помешкав немного, – и для меня.

На следующий день мы прощаемся, и дедушка крепко обнимает меня. Лукасу пришлось уехать сразу же после завтрака, но даже такое небольшое количество времени, какое он провел с дедом, подняло тому настроение. Дед кажется ужасно худым – и это под своим бесконечным набором теплых свитеров.

– Не бойся, Дженьюэри. У меня теперь есть новая игрушка и шоколадный торт. Иди. Ты же не хочешь попасть в час пик, – говорит он. Я обнимаю его еще крепче.

Машина отъезжает от дома, и Айла вся в мыслях о тех снимках, которые она сделала за минувшие выходные. Мне же так грустно, что я чуть не плачу. Я ненавижу уезжать от дедули. На мгновение я вижу себя почти семнадцать лет назад. Я стою с сигаретой у окна своей комнаты и нервно затягиваюсь. Мои сумки и чемоданы собраны. Лиззи, мой лучший друг, должна была приехать за мной в тот день, чтобы отвезти в нашу новую квартиру в Западном Лондоне. Мне было не по себе, в отличие от Лиззи, которая во всем видела приключение.

– Ох, и дадим же мы в Лондоне жару! – говорила она. К переездам Лиззи привыкла – ее родители никогда не могли долго жить на одном месте. К тому времени, как мы познакомились (ей было четырнадцать), она сменила пять школ. Мне очень повезло, что родителям Лиззи так сильно нравилось в Фоуи, что они остались тут на целых несколько лет. Многие наши одноклассники называли Лиззи «сумасшедшей толстухой».

– Пошли вы, – отвечала Лиззи, внешне спокойная, хотя я знала, что в глубине души ей больно.

– Надо мной издевались все, кроме тебя, Джен, – сказала она как-то, – даже учителя считали, что я тупая, но у меня просто не было времени что-нибудь толком выучить, потому что родители вечно переезжали.

Лиззи стала частью моей семьи. Она любила бабулю с дедулей, потому что они всегда были доброжелательны к ней и приветливы, всегда приглашали ее погостить с ночевкой или на пикник на пляже. В моей семье теперь появилась стабильность. Бабушка обожала Лиззи, потому что знала – Лиззи за меня горой и я за нее.

Лизи была упертой, необузданной, уверенной в себе и амбициозной. Она вечно повторяла бабуле с дедулей, что станет известным шеф-поваром и будет путешествовать по всему миру.

– И она своего добьется, – приговаривал дедушка, которому нравилась эта ее уверенность.

За последние несколько часов перед отъездом моя голова пухнет от мыслей. Может быть, мне нужно было остаться? Я же не Лукас, который еле дождался совершеннолетия и тут же ринулся всем доказывать, что может сам заработать себе состояние и ни в ком не нуждается – ни в бабуле с дедулей, ни во мне. И я не такая, как Лиззи...

Услышав бабушкины шаги, я побыстрее выбросила из окна окурок.

И сейчас я вижу ее так ярко, словно она тут, передо мной.

– Я тоже бы нервничала, – сказала Лиззи, подойдя к двери. Она оглядела пустую комнату с распахнутым настежь шкафом, в котором одиноко болтались на поперечных палках пустые вешалки, на одной из них висело старое пальто, а на верхней полке печалилась шестигранная коробочка из-под шляп.

– Здесь будет странно без тебя, – сказала Лиззи, присаживаясь на кровать.

– Я буду скучать по шуму моря.

– Но море ведь всегда будет с тобой. Море, я, твой дедушка...

Она смотрела в пространство перед собой.

– Моя первая квартира, Дженьюэри, была на Уилтон-стрит. Прекрасное место, но сама квартира оказалась совершенно отвратительной. На кухне что-то не ладилось с раковиной: приходилось подставлять ведро, а потом выливать воду в унитаз.

Она усмехнулась.

– Но я так любила свободу, которая появилась у меня благодаря этой квартире. Весь мир у твоих ног, Дженьюэри, ждет, когда ты его завоеешь.

Наше прощание было кратким – бабуля ненавидела расставание так же, как я. Мы с Лиззи сели в ее старый автомобиль, а через десять минут, когда она уже увлеченно искала радиостанцию, я поняла, что мне нужно вернуться. Потому что я кое-что забыла.

Лиззи посмотрела на меня с подозрением:

– В машину не поместится больше ничего, Дженьюэри.

– Пожалуйста! – отчаянно взмолилась я.

Я оставила Лиззи в машине, а сама помчалась назад. Вбежав в прихожую, я уже собиралась было позвать дедулю с бабулей – может, бабуля в саду? – но замерла, услышав их голоса из гостиной.

– Мы знали, что этот день когда-то настанет, – говорил дедушка.

– Но это... Это... не делает все... не делает все... проще, – всхлипывала бабуля.

– Иди ко мне. Лукас и Дженьюэри – наша награда. Твоя награда.

– Когда мы потеряли дочь, у нас не было времени горевать, с маленькой Джен и Лукасом на руках это было для нас непозволительной роскошью. Мне пришлось снова научиться быть матерью. А теперь... – задыхалась бабуля, пытаюсь отдышаться, – не осталось никого, только пустой дом.

– Но мы-то с тобой друг у друга остались...

– Я чувствую... – каждое слово по-прежнему давалось бабуле с невероятным усилием, – с Лукасом прощаться было легче, а с Дженьюэри – я чувствую, что снова теряю дочь.

Я вломила в гостиную.

– Дженьюэри! – воскликнул дедушка.

Бабушка вытерла глаза и попыталась взять себя в руки:

– Ты что-то забыла... – она чихнула. Слезы снова закапали из ее глаз, я бросилась к ней и обняла ее, вдыхая привычный и уютный запах ее духов – лилии, целуя ее влажную щеку, покрытую тоненьким слоем пудры.

Она заправила за ухо прядь волос:

– Ты что-то забыла?

– Я забыла сказать «спасибо», – сказала я, повернувшись к дедушке, – за все, что вы для меня сделали. Вы были для меня лучшими родителями.

Бабушка обхватила меня руками за плечи и прижала к себе.

– Не грустите, – пробормотала я, – и обещайте мне, что достанете свои загранпаспорта

и поедете туда, куда мечтали поехать всю жизнь.

И они поехали. В Фонтенбло, что недалеко от Парижа. Бабуля прислала мне оттуда открытку. Я пришпандорила ее к холодильнику и улыбалась каждый раз, когда ее видела, понимая, что так же, как у меня новая жизнь в Лондоне, у бабушки с дедушкой без нас с Лукасом тоже новая жизнь.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Очевидная игра слов: в английском языке слова turkey (индейка) и Turkey (Турция) являются омонимами. Героиня восприняла словосочетание capital of Turkey буквально, то есть в значении «главный по индейке», и назвала имя основателя одной из крупнейших британских компаний по производству продуктов из мяса индейки.